

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

СКОРО ПОЛНОЧЬ. Том 2

Одиссей покидает Итаку

Василий Звягинцев

**Скоро полночь. Том
2. Всем смертям назло**

«Звягинцев Станислав»

2009

Звягинцев В. Д.

Скоро полночь. Том 2. Всем смертям назло / В. Д. Звягинцев —
«Звягинцев Станислав», 2009 — (Одиссей покидает Итаку)

ISBN 978-5-699-39131-8

Где бы они ни появились в надежде на тихое пристанище, через некоторое время туда приходит война, и неважно, в какой из реальностей Новиков, Левашов, Шульгин и их соратники по «Андреевскому братству» оказываются на этот раз. Что это – страшная закономерность, жестокая судьба или гипотетические Держатели Мира снова и снова решают проверить их на прочность или выявить пресловутый предел возможностей? Калейдоскоп миров и времен на этот раз переносит друзей из охваченного боями Трансвааля на Валгаллу, в одночасье превратившуюся в «поле брани», заставляя наконец принять решение о последнем и решительном сражении с дуггурами, чье нашествие угрожает самому существованию человечества. Однако не все так просто и однозначно, и победа в битве не всегда означает выигранную войну...

ISBN 978-5-699-39131-8

© Звягинцев В. Д., 2009

© Звягинцев Станислав, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	35
Глава 5	46
Глава 6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Василий Звягинцев

Скоро полночь. Том 2. Всем смертям назло

*Приводят одного, взамен берут другого
И никому не говорят ни слова.
Нам тайны не откроют никогда,
Что было – будет повторяться снова.*
О. Хайям

Глава 1

Форт Росс-3 был хорош тем, что, выстроенный на краю Земли в начале двадцатых годов XX века, он представлялся настоящим убежищем. Сюда не мог проникнуть ни один посторонний, хоть друг, хоть враг. У друзей, специально не приглашенных, отсутствовали нужные транспортные средства. Самолеты из Европы на такое расстояние не летали, пароходом только до Веллингтона добираться месяц, а потом – или каботажное судно нужно фрахтовать, или на лошадях пятьсот километров через горы, в которых без проводника дороги не найдешь.

Врагам, попытавшимся проникнуть в форт, пришлось бы еще хуже. Оборонительные сооружения с моря и с суши были непреодолимы в гораздо большей степени, чем линия Маннергейма суровой зимой – для пехотных батальонов.

Поэтому, вернувшись в тот самый коттедж, где они с Аллой провели первые дни после спасения из Калифорнии своего мира, Ростокин испытал ни с чем не сравнимое чувство облегчения и покоя.

Не так уж трудно им пришлось, в сравнении с командой Новикова, а все же... Это приблизительно то же самое, как нормальному человеку возвратиться после ночной прогулки по трущобам старой Москвы или кварталам Гарлема. Ничего особенного не случилось. Увидел, конечно, несколько безобразных сцен, участником которых не захотел бы оказаться, но ни пистолет, ни кастет не пригодился, и лицо без ссадин, и зубы все на месте.

Тяжелая дверь квартиры затворилась, этаж у тебя шестой, а внизу, у парадной, швейцар дежурит, здоровенный дворник поблизости от него, с костяным свистком поверх фартука, готовый вызвать пронзительной трелью сразу четырех городских с ближних перекрестков. То есть жизнь снова стала такой надежной и спокойной, как и положено.

– Может, давай Виктора к нам позовем? – спросил Игорь у Аллы, когда они закончили раскладывать по полкам стенового шкафа свои немногочисленные дорожные вещи. – Посидим за чаем, разберемся, как дальше жить будем...

По крыше и козырькам подоконников забарабанили редкие капли, очень быстро слившиеся в сплошной дождь, обычный для этой местности.

– Глупости ты говоришь, милый, – ответила ему Алла, слишком многому, на взгляд Ростокина, научившаяся у своих старших подруг. – Камин лучше наверху разожги, а я сейчас... Тут же сауна есть.

Она начала раздеваться прямо посередине комнаты, не устраивая стриптиза, а просто как у себя дома, без свидетелей, в беспорядке бросая на диван детали туалета.

Но выглядело это не менее возбуждающе. Игорь не раз задумывался на подобную тему. Ему казалось, что авторы «фильмов для мужчин» делают большую ошибку, придумывая совершенно нежизненные сценарии. Куда интереснее для массового зрителя были бы сексуальные эпизоды, «совершенно случайно» происходящие с нормальными женщинами и даже девушками. «Ах, это ведь произошло так неожиданно! Я и не подумала...»

Только ему, военному корреспонденту, никогда не удавалось выкроить времени, чтобы взять вдруг и написать нечто подобное, и найти издателя, согласного столь изысканные тексты купить.

– Неужели ты до сих пор не понял, – спрашивала Алла, балансируя на одной ноге и стягивая с другой длинные, украшенные несколькими ярусами кружев панталончики. Тех аскетических трусиков-плавков, что носили подруги, рожденные в XX веке, она так и не смогла принять в качестве подходящих *нормальной* женщине.

– Мне все посторонние люди ужасно надоели. И их пароксизм, и постоянная необходимость изображать себя членом какого-то общества. Виктора тоже видеть не хочу. Чего еще и он сюда приперся?! И звать его к нам не смей! Приготовь что-нибудь на двоих. А я быстро. И сам за мной не лезь. Мне одной побыть надо!

Резко дергая тугими ягодницами и покачивая великолепными грудями, Алла широкими шагами пересекла гостиную, зашлепала босыми ногами по лестнице в полуподвал, где помещался домашний спортивно-оздоровительный комплекс. Тренажерный зал, небольшой, всего лишь пятнадцатиметровый, бассейн, питающийся ледяной родниковой водой, сауна, еще кое-какие процедурные помещения.

«Вот зараза, – подумал Ростокин, рассматривая этикетки выставленных в баре бутылок. – Ничем ее не перевоспитаешь. Напиться бы сейчас, ей назло, и завалиться спать. Так ни хрена не выйдет. Еще больше разорется и все равно сделает по-своему... Так стоит ли? Придется ужин готовить».

Его раздражение несколько поумерилось, когда Алла вернулась, распаренная, закутанная в яркий махровый халат, с головой, обернутой полотенцем наподобие тюрбана. Игорь подумал, что, пожалуй, и вправду неплохо будет сегодня обойтись без гостей. Погода за окнами располагает к тихим домашним радостям.

– Я наверх. Приведу себя в порядок, а ты через полчаса поднимайся.

Чтобы не терять времени зря, Игорь смешал себе сложный коктейль и позвонил Шульгину. Александр ответил не сразу. Неужели тоже принужден исполнять супружеский долг? Если так, то неудобно. Однако голос Шульгина был бодрым и свежим.

– Что там у тебя? Я думал, ты с дороги отдыхаешь.

– Собираюсь только. Тут очередная мысль в голову пришла. По поводу Шатт-Урха. Он сейчас где, кстати?

– В специально отведенном помещении. В отличие от нас, ему компания не требуется. Очередную партию видеоматериалов, специально отобранных, мы ему отгрузили, ими он и занимается. Никуда не денется. А ты чего хотел сказать?

– Да вот подумал – перед тем, как снова допрашивать, надо, чтобы Олег со Скуратовым с той техникой, что у вас имеется, повозились. Нечто типа транслятора *этого* собрать. Ты же с чекистами работал, понимаешь, о чем я? Наверняка ведь можно на базе той информации, что у всех поднакопилась, а особенно у Ларисы лично, специальный ментальный пакет подготовить. Для воздействия на психику гостя. Я даже сценарий готов набросать...

– Интересно. Я, правда, чтобы не заморачиваться, хотел сразу на Удолина выйти, Урха ему сдать и навсегда от этой проблемы избавиться. Но если ты считаешь... Хорошо, я Олегу скажу. Приятно видеть, что офицеры о долге службы в любой обстановке помнят. «О воин, службою живущий, читай Устав на сон грядущий, и паки¹ ото сна восстав, читай усиленно Устав...»

А если попроще – перестал бы ты хоть на ближайшие сутки о разных глупостях думать. Как будто больше заняться нечем!

¹ Паки – снова (церковнославянск.).

Слова Шульгина прозвучали с таким убийственным сарказмом, что Игорь едва не втянул голову в плечи. Умеет же человек, ничего обидного не сказав, заставить чувствовать себя настолько не в своей тарелке...

Так ведь и прав Александр Иванович, как всегда прав. Если есть дело – неделями спать не позволит, исключительно за счет силы убеждения и личного примера. А если дела неотложного нет – отдыхай и развлекайся на всю катушку, «в меру своей фантазии и испорченности». Это тоже фраза из его дежурного набора.

Тем более, обстановка вокруг какова! За окнами и в каминной трубе завывает ветер, свежий, переходящий в крепкий. Дождь струится по оконным стеклам, в свете уличных фонарей серебристые водяные потоки мчатся по брусчатке мостовой вниз, к набережной. Хорошо, что нет никакой необходимости выходить на улицу сейчас. И завтра с утра тоже. Спи сколько влезет, больше не думая о чужой войне, длящейся (длившейся) по ту сторону океана двадцать пять лет назад.

Однако при мысли о том, что друг Виктор брошен, предоставлен самому себе в еще одном чужом для него мире, Игорю стало не по себе. Даже постель ему согреть некому.

Разумеется, проблема, легко решаемая в нынешних условиях, для тридцатипятилетнего, видного собой мужика. Не сегодня, конечно, но в ближайшие дни.

«Вольнонаемное» население форта превышало триста человек. В большинстве – люди двадцать первого – двадцать четвертого годов, в том числе и кое-кто из бывших офицеров, категорически не захотевших после окончания Гражданской иметь какое-либо отношение к военной службе. Ни к какой, в ударном ли батальоне Басманова, или в строевых частях армии и флота Югории. Смертельно уставшие от войн, революций, в плоть и кровь вошедшего ожидания новых потрясений.

Они согласились уехать на край света для выполнения обычной работы, как во все времена находились желающие отправиться хоть в Якутск и Анадырь, хоть в Австралию или на Фолклендские острова. И не только ради очень хорошей зарплаты. Людей влекло новое, возможность испытать себя в необычных условиях.

Наравне с ними в Новую Зеландию пожелало отправиться немалое количество граждан и гражданок из двухтысячных годов обеих реальностей. Одни, из постсоветской России, – желающие обещанных благоустроенности и покоя, другие – подданные Олега Константиновича – наоборот, в поисках острых ощущений, поскольку каждой романтически настроенной личности была обещана возможность оказаться в мире Чарли Чаплина, Дины Дурбин, Греты Гарбо и Аль-Капоне.

По этой причине среди новопоселенцев форта было достаточно молодых женщин, от двадцати до тридцати лет, с высшим гуманитарным, как правило, образованием. И медицинским. Инженерши, математички и теорфизички на приглашения вербовщиков обычно не откликались.

Игорь в заботе о друге ошибся, применив к нему собственное отношение к жизни. Одиночеством Скуратов не мучился. Он не мог оторваться от полок, забитых изумительными книгами.

Новиков, куда больше понимая в людских характерах, определил гостя на жительство в укрепленный замок, высившийся над поселком и фьордом. Тот был, конечно, невелик, но не так уж и мал.

Сто метров по переднему фасаду, пятьдесят – по боковым. Пять этажей главного корпуса, четыре тридцатиметровые башни по углам, внутренний двор с галереями, фонтанами, садом и клумбами. В то время, когда он возводился, у Антона технических проблем не возникало, и он посодествовал – так же, как и с «Валгаллой».

Потребовались только эскизы и указания по ходу оформления интерьеров, чем увлеченно занималась Наталья. А ей-то как здорово: учили хрущевки проектировать, на работе реально – лестницы в пятиэтажке нарисовать доверяли. И вдруг – берись, дорогая, что хочешь строй, хоть Кёльнский собор, только не за четыреста лет, а уложись в полгода.

Она и уложилась. Выстроила для «Братства» дом на горе, похожий на все сразу.

Андрей объяснил Скуратову – независимо от того, что память всех персональных и Самого Главного компьютера содержала неограниченные объемы информации, целый этаж здесь отведен под настоящую, набитую бумажными книгами библиотеку.

Захочет ли кто-нибудь искать нужный том сначала в каталогах, а потом на бесконечной протяженности высоченных стеллажах, или нет – совершенно неважно. Сам факт обладания таким количеством реальных раритетов создавал особенное ощущение. Воплощение детских мечтаний о возможности доступа к любым книгам, сколько их есть на свете.

Скуратов, увидев теряющиеся в полумраке проходы между полками, аж заурчал непроизвольно. И едва удержался от желания немедленно броситься в недра сокровищницы. Как будто мало он в своей жизни видел библиотек, и академий разных наук, и Главную Российскую, Британскую, Конгресса САСШ тоже. Но это ведь библиотека другого мира! Любая изданная после тысяча девятьсот пятого года книга чем-то да отличается от своих аналогов, а уж после двадцатого или тридцатого... Перед ним расстилается безграничное поле неизведанных знаний!

– Подожди, Виктор Викторович, успеешь, – мягко сказал Новиков, под руку выводя академика из книгохранилища в хорошо освещенную просторную комнату. – Я тебя в курс введу. Вот здесь, где мы стоим, – это абонементный отдел. Справа, как видишь, каталог, алфавитный и систематический. Все очень просто. Разберешься?

– Вы что обо мне думаете?

– Мне думать незачем. Давно надоело. Я за других переживаю, у которых этот процесс еще не завершился. Вот тут разные буквы написаны – это алфавитный. Нажмешь «Т» – всех авторов, кто имел удовольствие с этой литеры начинаться, на экранчике перечислять начнет. Фамилия, имя, отчество, потом заглавие труда. Как у нас в тюремной библиотеке было написано: «Братва! Знаете, Толстых было много. Если не в падлу, называйте, пожалуйста, инициалы».

– При чем тут тюрьма? – оторопело спросил Скуратов.

– Да ни при чем. Просто к слову.

Новиков с прежней наставительной интонацией объяснил, как пользоваться систематическим каталогом, сообщил, что этажом ниже есть жилые комнаты, где можно кратковременно отдохнуть или поселиться постоянно.

– Жильцов, кроме вас, здесь пока нет, однако горничная на месте. Позвоните, вот кнопка – сделает что нужно. На первом этаже управляющий, тоже придет по первому зову. Теперь понятно?

– Спасибо, понятно, – ответил Виктор. Чувствовалось, что внимание Новикова и его заботливо-поучающий тон его несколько раздражают. Он к такому не привык, последние годы сам изрекал непререкаемые истины, а ему почтительно внимали.

– Тогда занимайтесь. Наши домашние телефоны – вот они, – Андрей положил на столик карточку, где были переписаны двузначные номера всех членов «Братства», ныне в форте присутствующих. – Общий завтрак – с десяти до одиннадцати в ресторане второго этажа этого здания. Теперь позвольте откланяться. Желаю приятного времяпрепровождения.

«Кажется, несколько хамовато я себя держал», – думал Новиков, спускаясь по широкой лестнице. Но раскаяния не испытывал. Что он был очень утомлен и издерган всем предыду-

щим, объяснять не стоит. А тут ему на голову (так уж он воспринимал свою не добровольную, навязанную со стороны роль в «Братстве» – волей-неволей, но отвечать за все) свалился еще и Скуратов.

«Такие ребята привыкли воображать о себе больше, чем заслуживают. Ну, лауреат, ну – компьютерный гений! И что? Понять можно, человек, очутившийся в новой компании, пытается обозначить, даже и неявно, что он «альфа», а не «бета» или тем более «омега». Так никто ведь и не возражал.

Просто здесь так не принято. Правильно сказал грубый генерал Кутепов, когда Врангель предложил Берестина ему в начальники: «Погоны я вижу, а человека за ними – еще нет!» Хорошо, Алексей быстренько сумел доказать противоположное.

Новиков был не очень справедлив к новому товарищу. Скуратов ни разу не попытался словом или жестом показать свое превосходство, но что-то такое улавливалось в его поведении, почему Андрей и произвел своеобразную профилактику. Сам понимая, что ведет себя не слишком хорошо. Не зря ведь многие люди его недолюбливают. Та же Лариса.

Однако интуиция подсказывала. С другим человеком он, может быть, и не стал бы *переживать*. А здесь нужно. Пусть и еще одно поймет: в суровое время попал, не пожалеют просто так, пряничком не угостят, по головке не погладят. Как в казарме по первому году службы.

А все остальные «дамы и господа» пусть остаются милыми и деликатными. Для контраста.

«А я ведь совсем недавно таким не был, – продолжал рефлексировать Новиков. – Росткина мы с Ирккой приняли, как младшего братишку с девушкой его, и ни разу я не озабочился их нравственными принципами. Может, я Скуратова как возможного соперника воспринял, отчего и подзавелся? Да нет, не похоже, точек пересечения у нас с ним нет. Значит, я, как взводный старшина, просто захотел рявкнуть на того, кто из строя на полшага высунулся? И это не мой характер. Берестинский, воронцовский, но никак не мой. Так что же? Опять потянуло сквознячком из могилы?»

Тьфу! Дурацкие мысли его охватили, наверняка – последствия недолеченной депрессии.

Еще одно дело оставалось сделать, а потом можно и отдыхать. Он сразу проводил Скуратова в библиотеку, не представив его предварительно смотрительнице гостевых помещений. Гостей здесь бывало не так много, но как раз это ее устраивало. Меньше хлопот. Отрабатывает срок контракта, вернется в родной Ростов, на скопленные средства откроет собственное заведение, замуж выйдет. Лет ей немного, тридцать пять только осенью исполнится.

– Здравствуйте, Нина Семеновна, – сказал Андрей из прихожей. Хозяйка лежала на диване в большом зале, положив длинные полные ноги на изогнутую спинку, и смотрела какой-то фильм по телевизору. Видеозапись, конечно, эфирного телевидения здесь не было, и еще лет сорок не будет.

Услышав голос, она сначала повернула голову, потом вскочила, как солдат по тревоге:

– Вернулись, Андрей Дмитриевич? Сколько же вас не было? И с моря не погудели, и так не предупредили? А я тут валяюсь...

– Ну вот и зашел. Предупредить. У вас все нормально?

– А что здесь может случиться? – Голос у нее был низковатый, волнуемый очень многих мужчин. Да и в остальном женщина она была видная, крупная, с привлекательным лицом и пышными длинными волосами.

– Да мало ли...

– Это у вас все время что-то происходит, а у нас дни тянутся и тянутся. Беспросветно. Море шумит, дождик льется. Если б не заработок – давно бы сбегала с вашей каторги. Простите, Андрей Дмитриевич. От тоски книжки начала читать. Недавно этого – Мельника-Печерского... Ну-удно, а как-то успокаивает...

– Что-то ты, Нина, в меланхолию впала, – усмехнулся Новиков, доставая из кармана сигарету. – Наверняка тебе надо жалованье повесить, а то в Ростове, небось, дома дорожают... А вместо Мельникова-Печерского Артура Миллера почитать.

– Вам винца налить, Андрей Дмитриевич, или покрепче чего? – словно бы пропустила мимо ушей прельстительную фразу домоправительница.

– Давай покрепче. И себе тоже...

Выслушав обычные жалобы на скучную здешнюю жизнь, Андрей покивал сочувственно, пообещал, что теперь станет веселее.

– Да как же вы в дом вошли, что с вахты мне не сказали? Кто там дежурит, Женька, что ли? Ну я ему покажу!

– Да при чем тут Женька, я сзади зашел, со своим ключом. Гостя тебе привел. Он сейчас в библиотеке. Виктор Викторович зовут. Ты через полчаса поднимись, посмотри, как ему там. Время позднее, спать скоро надо. Комнату человеку приготовьте. Ты одна здесь дежуришь?

– Еще Маринка, только, наверное, в клуб побежала. На танцы... – сказано это было с почти неуловимой двусмысленной иронией.

– Значит, сама займись.

Новиков допил рюмку, пару раз затянулся сигаретой перед тем, как затушить ее в пепельнице.

– Он, гость наш, мужчина очень почтенный, большой ученый...

– Старый, значит?

– Чего вдруг? наших лет. Но – ученый. Академик, между прочим. И – из дальних краев.

– Американец?

– Опять ты спешишь. Русский, натуральный. Но в Югории никогда не был. Так ты вот что... Прояви к человеку внимание. Номер ему подбери получше, перекус сообрази, разговором займи... Только... – изобразил он озабоченность. – Есть у меня сведения, что до женского пола он чересчур падкий. Так ты с ним поаккуратней. Если вдруг чего – сразу бить не надо. На словах объяснись. А то представляешь – завтра общий торжественный обед, и у дорогого гостя – фингал под глазом... Уловила?

– Ох, Андрей Дмитриевич, – Нина притворно вздохнула, изображая глубокую печаль, – опять вы свои шуточки шутите? Когда это я кого-то била? Ну, правда, в Ростове пацаны меня остерегались, так то ж когда было!

Глаза у нее блеснули ведьмовскими искрами. Новикова Нина Семеновна, как мадам Грицацуева Бендера, «уважала», но совсем не боялась. Любила с ним пошутить, а и иногда и на серьезные темы, под настроение, порассуждать.

«Да, Скуратову можно позавидовать, в любом раскладе, – подумал Андрей. – Если не ошибется в схеме поведения, сумеет на Нину впечатление произвести, его ждет много интересного помимо библиофильских утех».

Новиков притворил за собой массивную калитку и начал спускаться по каменной лестнице от замка к своему коттеджу, ближайшему на центральной улице. Дождь хлестал по надвинутому до самых бровей капюшону плаща. Хорошо, что сапоги он надел высокие, непромокаемые. Можно не обращать внимания на потоки воды и глубокие лужи.

Как там в две тысячи пятьдесят шестом романтические отношения принято завязывать – неизвестно, у Андрея случая выяснить не было, не Ростокина же с Аллой об этом расспрашивать. Но одинокая женщина из тысячи девятьсот двадцать пятого, если интерес почувствует, найдет способ преодолеть культурологический барьер.

Пойдет все так, как он предполагает, Скуратова можно будет *привязать*. На ближайший отрезок времени. Нина Семеновна – дама того типа, что способна увлечь почти любого мужчину и интуитивно знает, как *вываживать крупную рыбу спиннингом*. Если что – для себя. Прикажут – для начальства.

Андрей не знал, зачем ему нужна еще и эта интрига, но столько в жизни было всяких *неожиданностей*, что появление в *угрожающий период* постороннего человека, настроенного *включиться* в спаянную компанию, не могло не внушить определенной тревоги.

Если есть возможность *переключить внимание* нового фигуранта, пусть ненадолго и на незначительную цель, – это нужно сделать. Выйдет *холостой выстрел* – не беда. Он в любом случае получит дополнительную информацию, а «подозреваемому» не нанесет никакого морального или физического вреда. Испытает ли при этом сам фигурант удовольствие или разочарование – вопрос из другой плоскости.

Тут Новиков не ошибся. Пока Нина, заинтригованная начальником, переодевалась для встречи с редким, да еще и высокопоставленным гостем в служебный костюм старшей администраторши: ярко-васильковый обтягивающий костюм, юбка чуть выше приятно-круглых колен, двубортный китель с золотыми пуговицами, кружевная, просвечивающая где надо блузка, Скуратов успел нагрести с полок десяток толстых книг, одни названия которых вызывали у него внутреннюю дрожь исследователя. Уселся за ближайший стол и начал их жадно перелистывать.

Совершенно не подозревая, какую суматоху вызвал.

Маринка, оторванная от танцев, готовила «специальному гостю» лучшие из имеющихся апартаментов. Повар, поставленный в условия жесткого цейтнота, изобретал ужин, обрадовавший бы и случайно заехавшего сюда наследника французского престола.

И это все при том, что Нина означенного гостя еще не видела. Так тем интереснее. Андрею Дмитриевичу она в любом случае угодит, а что в результате получится – особая статья.

Глава 2

«Служба охраны реальности» (СОР), достаточно долго функционировавшая в качестве одного из подразделений «Братства», в какой-то момент, как показалось, себя изжила. По той причине, что в результате самоустранения Игроков и целого ряда связанных с этим фактом явлений мир «1925» словно бы стабилизировался, и никакие «нечеловеческого происхождения» потрясения ему больше не угрожали. Изучение доступными методами характеристик ближних Узлов Сети показало, что все возможные перемены отныне будут осуществляться только в рамках *зафиксированного* континуума и смогут затрагивать лишь государственное и политическое устройство действующей реальности, но никак не ее физические основы.

Тогда же были открыты пути в оба мира «2004/05», сосуществующие «борт к борту», но резко отличающиеся своим общественным строем, темпами исторического и технического прогресса, при этом настолько конгруэнтные, что перемещение между ними не составляло почти никакого труда. При не совсем понятном механизме этого странного *совмещения* оно позволяло с минимальными усилиями переправлять в обе стороны практически неограниченное количество людей и боевой техники. Что и привело однажды к небольшому вооруженному конфликту с участием представителей сразу трех реальностей.²

Состоялось даже специальное заседание, принявшее решение о негласном упразднении «СОР» и преобразовании ее в «Комитет Активной Реконструкции Реальностей». Тогда эта тема показалась актуальной, и, нужно отметить, несколько проведенных активных операций имели явный успех. Только вот никакой более-менее понятной теории, хотя бы приблизительно объясняющей физический механизм взаимоотношений между «братскими мирами», создать не удалось. Теории, пригодной даже не для прогнозирования, просто для осознания смысла периодически возникающих парадоксов асинхронно текущего там и тут времени. Бывало, что оно совпадало до секунд, потом вдруг начинало стремительно ускоряться в одном континууме и тормозиться в другом. И наоборот, естественно.

С таким же примерно явлением «неоднородности времени» наши герои столкнулись только что, оказавшись в окрестностях земли дагонов и базы дуггуров. И это говорило о том, что налицо явления одного порядка. Но по-прежнему оставалось непонятным – искусственного происхождения эти деформации или носят вполне естественный характер.

К счастью, все основатели, они же «действующие лица и исполнители» «СОР» и «КАРР», сейчас были на месте и могли беспрепятственно провести очередное заседание. Новиков именвался «администратором», Шульгин сам для себя придумал должность «старшего оперуполномоченного». На вопрос Дмитрия, кто будет младшим, он здраво ответил, что за этой категорией дело не станет. Соответственно, Воронцов назвался «начальником тыла», а Левашов – «техническим директором».

Все это имело оттенок привычной ролевой игры, но с глубоким внутренним смыслом. Никто не хотел, чтобы их занятие выглядело *слишком всерьез*. Стоит только вообразить себя действительными вершителями судеб мира (не одного вдобавок), как случится то, что случилось уже тысячи раз в любой из известных историй.

Пока Маркс и Энгельс, Плеханов, Ленин и их единомышленники, да и Гитлер с соратниками забавлялись дискуссиями в пивных или благополучных мешчанских квартирах, писали заумные статьи, не слишком понятные даже авторам, создавали «партии нового типа» с сотней членов, вреда от этого не было почти никакого. А вот когда кое-кто из названных персонажей решал, что пора брать власть, и со страстной верой в свое великое предназначение принимался за «переделку общества», тут и начиналось...

² См. роман «Хлопок одной ладонью».

Одно дело – исправить некие явные ошибки истории, пресечь постороннее злонамеренное вмешательство в ее ход, да хотя бы проверить на практике собственные социопсихологические теории, после чего отойти в сторонку, предоставив событиям развиваться по своим внутренним законам, и совсем другое – по-настоящему захватить власть (плевое дело, с их возможностями), хотя бы «в одной, отдельно взятой стране» и более уже ни на что не отвлекаться. До конца – победного или наоборот, неважно. Как Сталин, Гитлер, Мао, Пол Пот...

На такое ни один из членов «Братства» согласен не был.

Две параллельные улицы поселка были совершенно пусты, и окна большинства коттеджей не светились. Почти в половине из них никто не жил, строили их впрок, в расчете, что население форта будет увеличиваться естественным образом и за счет притока иммигрантов: из основной и параллельных реальностей. В других хозяева уже отошли ко сну. Здесь было принято рано ложиться и рано вставать.

Новиков спустился до самой набережной, постоял, любуясь прибоем и вслушиваясь в гул и грохот разбивающихся о скалы волн. Фьорд обычно сохранял безмятежную гладкость водной поверхности, но иногда, при определенном направлении ветра, в нем разыгрывался почти настоящий шторм.

Хорошо было курить, пряча сигарету в кулаке, под защитой глубокого капюшона, и думать о вещах совсем нейтральных. Кое-что вспоминать из своей «человеческой» жизни, оставшейся за перевалами времен.

Андрей швырнул догоревший окурочок вниз, пошел обратно, по такой же крутой и безлюдной параллельной улице. Только на первой дома были из красного кирпича, а на этой – из желтого.

Давным-давно, даже страшно вспомнить когда, он любил бродить по ночной Москве под моросящим дождем, подняв воротник плаща, засунув руки в карманы, воображая себя кем-то вроде местного Алена Делона, который на следующем перекрестке обязательно встретит ту самую девушку, которая никак не попадалась днем.

Это было еще до того, как он действительно встретил Ирину, и именно ночью. Только дождя в тот раз не было. Наверное, уже в молодости он умел создавать локальные мыслеформы, не подозревая об этом.

Андрей поднялся на высокое крыльцо коттеджа, одного из свободных, но всегда готовых к приему гостей. Захочется, например, как сейчас, в преферанс поиграть, так не идти же в семейный дом, где самая гостеприимная хозяйка рано или поздно не выдержит громких разговоров и всепроникающего табачного дыма.

Для подобных целей подходили и многочисленные помещения замка, но вчетвером лучше собраться в более приватной обстановке.

В прихожей на вешалках уже висели обсыхающие плащи, на полу ровненько, будто в казарме, выстроились штормовые сапоги.

Новиков добавил к ним свои, выбрал домашние туфли по вкусу, поднялся по двухмаршевой лестнице с резными балясинами.

В обширном зале с пылающим камином во всю стену его появление встретили приветственными возгласами. Будто год не виделись. Кстати, ватманский лист с художественно нарисованной «пулей» уже лежал на ломберном столике. Рядом – нераспечатанная колода карт и все необходимые для *правильной* игры аксессуары.

– Что, прямо сейчас и начнем? – спросил Андрей.

– А чего ждать? – хищно усмехнулся Шульгин, произвольно перебирая пальцами, будто уже начал сдавать карты. – Мы сколько не играли?

Новиков прикинул. Выходило, что давненько.

– Сейчас доложу, – поднялся Левашов, взял со стола, открыл в нужном месте толстый ежедневник. – Вот-с, такого-то месяца, числа, независимого года... Год и два месяца, судари мои. И в последний раз господин Новиков изволили проиграть ровно девять тысяч рублей ноль-ноль копеек. Думаю, желают отыграться.

– Давненько не брал я фишек в руки, – вздохнул Андрей. Поиграть захотелось невыносимо. Взять со стола свои десять карт, неторопливо раскрыть, пробежать глазами, оценить, соображая, а что же там в прикупе для нас интересного? И так далее...

А у игроков их забавы, наверное, вызывали еще более сильные эмоции.

Теперь – мы за них.

Шульгин с треском распечатал колоду, Дмитрий взялся за пробку коньячной бутылки. Тоже традиция – за начало игры по первой, а потом – только за сыгранный мизер, и никак иначе. Зато курить можно и нужно постоянно, для маскировки эмоций. С этой целью кто-то приготовил и даже раскрыл большую коробку сигар.

– А поговорить? – спросил Андрей, смягчая известную фразу из анекдота. Известно ведь, что за преферансом ни о чем, не связанном с игрой, говорить невозможно. Или игра останавливается, к всеобщему раздражению.

– Есть о чем? – лениво спросил Шульгин. – До утра не терпится?

– Как тебе сказать... – Новиков грел озябшие на дожде и ветру руки, думая, что лучше бы ему правда помолчать, хотя бы сегодня. Завтра тоже будет день.

– Судя по тебе, – сказал Воронцов, – ты по улицам долго бродил?

– Не очень и долго. Полчаса, пожалуй. До этого личную жизнь Скуратова устраивал...

– Ух ты, – восхитился Шульгин. – С Ниной познакомил?

– Не с Маринкой, сам понимаешь.

– Амбец мужику, – скорбно вздохнул Левашов. Все знали о мечте Нины Семеновны подыскать себе мужа, состоятельного и положительного во всех отношениях.

– Думаю, наоборот, – сказал Воронцов. – В меру согретый женским вниманием, господин академик станет гораздо более пластичным материалом для твоих экспериментов. А то слишком много вокруг манящих, но недоступных раздражителей. Я такой типаж знаю, с повышенным гормональным фоном... Кстати, что вы вообще о нем думаете? Ввели в коллектив, а отношение?

– Отношение – это к тебе, ваше превосходительство, – почти ткнул Дмитрию в грудь незажженной сигарой Шульгин. – Ты его в деле видел. Мы – нет.

– В деле – хорош, по мнению Антона. Не каждый морпех наших времен в сравнение идет. Не трус, нервы – крепкие, в этом я сам убедился. И Игорь за него поручился. А что с понтами – ты хоть недельку нобелевским лауреатом был? Целым институтом заправлял? А он – три года уже.

– Да. Спорить не берусь. Правда, и он вряд ли фронтами и флотами командовал.

– Естественно.

На недолгий момент все замолчали. Каждый по-своему применял к личному опыту сказанное.

– И до чего во время одинокой прогулки над морем додумался? – спросил Андрея Воронцов, как бы без связи с предыдущим.

– Натурально – ни до чего хорошего. Как будто в наших условиях *хорошее* имеет онтологический³ смысл.

– Как же иначе? Если бы оно такого смысла не имело, мы бы уже друг друга давно перестреляли. В спину. Помнишь рассказ «Мешок»? – Сашке тема понравилась.

³ *Онтологический* – имеющий отношение к философскому учению об основах бытия и познания.

– Вы, интеллигенты, не заткнетесь ли? Играть будем? – Левашов снова проявил свой взрывной характер. Он мог терпеть очень долго, но до определенного края. – Если у тебя, *Андрюша*, – сказано это было со всей возможной едкостью, – нет самой свежей информации о готовящемся ядерном ударе, давай завязывай. Мы тоже до утра трепаться умеем. Ни о чем. Или опять знаешь что-то, чего мы прозевали?

Новиков подумал – на самом деле, какого черта? Что он грузит друзей собственными комплексами? Лично ему ситуация по-прежнему кажется критически-опасной. И Скуратов, невзирая на мнение Воронцова и рекомендации Ростокина, внушает ничем конкретным не подкрепленную тревогу. Очень может быть – именно фактом своего одновременно внезапного и *своевременного* появления. С Замком он контактировал, довольно долго и без посредничества Антона... Так и что? Забыть все до утра. Тогда и скажет, что хочется. А сейчас...

– Давай, Саш, кидай до туза, кому сдавать...

Выпало как раз ему.

И больше уже никаких посторонних слов.

На этот раз Андрею карта шла, и в итоге он взял реванш за прошлый проигрыш. Сашка остался практически при своих, а Воронцов и Левашов подсели крепко.

Собрались расходиться в шестом часу утра. Как принято говорить «усталые, но довольные». На крыльце Шульгин, будто только что вспомнив, сказал о предложении Ростокина изготовить специальный прибор для воздействия на психику Шатт-Урха..

– Сделать можно, не вопрос, – ответил Левашов. – Только смысла не вижу. Антон Урха и так психологически сломал. Отвечать он будет. Остается грамотно вопросники составить. Я, например, пока плохо представляю, какие вопросы нужно задавать, чтобы получить полезные ответы.

– Ну и подумаем, каждый по своей теме. Спешить нам точно некуда.

– В том смысле, что если мы уже под прицелом, то суетиться поздно, – согласился Воронцов.

На этой оптимистической ноте и расстались.

...Шатт-Урх, как и рассчитывал Левашов, проявил полную готовность к сотрудничеству. Гораздо большую, чем в начале знакомства. Тогда он рассматривал себя как высшее по отношению к партнерам существо, независимо от понесенных его расой поражений в каждом из случившихся боестолкновений. По-своему он был прав, в пределах имевшейся у него на тот момент информации. Как были правы те, кто организовал попытку свержения Олега Константиновича в две тысячи пятом. Способность перемещаться между мирами, воздействовать на психику аборигенов, совокупно с громадным военно-техническим превосходством делали шансы на успех абсолютно стопроцентными.

Как тогда Шульгин и Берестин с Басмановым сумели ввести в игру не предусмотренные противником факторы, так и Антон вверг Шатт-Урха в тягостное недоумение, а затем и в панику. Дуггур понял, что его представления о *другом человечестве* не имеют ничего общего с реальностью. До него дошло, что люди (а он не имел оснований считать форзейля представителем иной расы и неземных цивилизаций) превосходят дуггуров не просто технически, а именно интеллектуально. И вширь, и вглубь. Количественно и качественно.

Количественно – потому, что несколько миллиардов индивидуально мыслящих особей всегда смогут придумать гораздо больше оригинальных идей и методик, чем несколько тысяч урарикуэра, как бы ни был гениален каждый из них.

Качественно – тут и объяснять ничего не нужно. За несколько минут прямого общения человек не только нашел самое уязвимое место в цивилизации дуггуров, но и выяснил меха-

низм ее уничтожения, вернее – превращения в массу бессмысленных, ничем, кроме взаимного пищевого интереса, не связанных особей.

С таким противником вступить в открытую конфронтацию – прямое самоубийство.

О том, что Антон блефовал, догадаться Шатт-Урх не мог, все по той же особенности присущего ему *способа мышления*.

Кроме того, очутившись в каменном строении, где его заточили до следующего раунда переговоров, Шатт-Урх почувствовал себя узником камеры, которая в его мире использовалась в двойных целях. И для наказания провинившихся *мыслящих*, и для решения специфических научных проблем особо подготовленными личностями.

Проще говоря – аналог обычной сурдокамеры, широко использующейся на этой Земле последние несколько тысяч лет. Йоги, добровольно замуровывающиеся в глубоких пещерах, умели достигать там высших уровней просветления. Космонавты, готовившиеся к первым одиноким полетам, проверяли устойчивость своей психики. А простые, не склонные к самопознанию люди, лишенные свободы и сенсорных ощущений, довольно быстро повреждались в уме. Часто – необратимо.

Здесь, в форте, дуггур-урарикуэра оказался лишен главного – ментальной связи с соотечественниками и единомышленниками. И это оказалось страшным испытанием. Ни фильмы, ни книги, бумажные и электронные, ни прекрасные виды из окон на горы и море не компенсировали страшной, глухой пустоты мирового эфира.

Как это могло случиться, он не понимал. Совсем недавно, когда его доставили с берега на плывущее по морю судно, даже после взрыва плазменной бомбы он оставался в пределах своей ноосферы, и вдруг – как обрезало. О переходе в реальность, не имеющую «мостов и перемычек» с другими, доступными проникновению дуггуров, Шатт-Урх не подозревал.

Двенадцати здешних часов хватило, чтобы превратить по-своему отважного интеллектуала в тварь дражащую. Он был готов на все, чтобы вернуться в свой, наполненный мозговыми излучениями миллионов *мыслящих*, мир. Да пусть и немыслящих.

Человек, сидящий в одиночке, рад общению с воробьем, прилетающим к его окну, с крысой, по ночам вылезавшей из своей норы под нарами, с тараканом, на крайний случай.

Об этом и пошла речь, когда Шатт-Урха пригласили для очередной беседы.

Его ждали Новиков, Шульгин, Левашов, Воронцов, а также Антон и Скуратов. Синклит вполне достаточный для обсуждения любых могущих возникнуть тем.

Тот эффект, на который пожаловался дуггур, свидетельствовал о том, что в настоящий момент никакой связи между этой реальностью и его миром нет. Как выяснилось чуть позже – и не было. Отчего так получилось – не совсем понятно. Так непонятного в природе куда больше, чем объяснимого.

Но сам по себе факт весьма обнадеживающий и заодно опровергающий основополагающую идею Арчибалда о том, что дуггуры непременно нагрянут в двадцать пятый год, чтобы окончательно разделаться с врагами.⁴

На самом ли деле он этого опасался или использовал угрозу как повод сначала заманить полюбившихся ему людей «в гости», а затем убедить или заставить отправиться в прошлый век? Новиков все больше укреплялся в мысли, что со стороны Арчибалда имела место довольно тщательно спланированная провокация. Но пока держал эту догадку при себе, рассчитывая чуть позже обсудить ее со Скуратовым, надеясь, что тот сумеет взглянуть на проблему под недоступным им углом.

Антон, которому единодушно поручили исполнять роль ведущего (слишком яркое впечатление он сумел произвести на парламентаря), сообщил Шатт-Урху, что эфирная связь с его

⁴ См. роман «Ловите конский топот».

миром прервана специально, *особым способом*, чтобы предотвратить возможность повторной агрессии.

– Не дай бог, если на этот раз твои друзья точнее прицелятся...

Дугтур помнил, как говорящий с ним Антон совсем недавно продемонстрировал свою способность ставить ментальный блок вокруг собственного мозга. Он и сейчас *не слышал* его и тех, кто побывал на станции и оставил там отпечатки своих ментаграмм. Но в тот раз эфир *извне* оставался открытым. Оказывается, люди могут и такое. Возможно, они научились этому только что, исследуя захваченного в плен старшего пятерки итакуатиара.

– Они мне не друзья, – с интонацией, намекающей на пренебрежение к тем, кого имел в виду Антон, ответил Шатт-Урх. – Я уже говорил, тапурукуара не относятся к моей *варне*, мы с ними никогда не поддерживали прямых отношений. Все контакты между кастами и варнами происходят только через Рорайма.

– Не слишком гибко, но рационально, – отметил Шульгин. – А то мало ли о чем вояки с учеными через голову начальства сговориться могут.

– Мы не можем рисковать, – продолжал Антон. – Вдруг имел место не эксцесс исполнителей, а целенаправленная акция, санкционированная с самого верха вашей общественной пирамиды? Лучше подождем немного, разберемся. Пока исходим из того, что нам объявлена тотальная война. Или, допустим, у вас случился государственный переворот, собственная гражданская война или что-нибудь еще, вроде бунта «неразумных». По своим ведь просто так плазменные бомбы не швыряют.

В общем, мы постараемся помочь тебе, чем сможем, но для этого нам нужна полная информация. Мы в долгу не останемся. Убедимся, что для тебя и нас это безопасно, – переправим обратно. Куда скажешь...

Перед началом допроса согласились, что историю, биологию, сравнительную генетику и прочие интересные темы затрагивать пока не стоит. Раз обстановка фронтовая, так и спрашивать следует о вещах, к ней относящихся. Вопросы при этом следует задавать беспорядочно, перескакивая с темы на тему, чтобы подследственный не имел времени на подготовку вытекающих из общей логики ответов.

– Ты предупредил, что повторного удара по месту нашей стоянки можно ожидать примерно через три часа. Как ты определил этот срок?

– Очень просто. Я знаю стандартное время прохождения запроса от старейшин варн до Рорайма, принятия решений и сообщения ответа. Если бы кто-то из тапурукуара использовал бомбу по собственному усмотрению, нас бы давно не было в живых.

– Значит, рораймы все же санкционировали агрессию?

– Действие было совершено с их согласия, теперь я уверен. Сначала я не поверил в это, но потом долго думал...

– Как ты считаешь, почему?

– Не могу ответить. Не знаю, какие доводы приводились «за» и «против». Видимо, Совет решил, что данное решение – самое рациональное.

– Они не учитывали возможности возмездия с нашей стороны? – вмешался Шульгин.

Шатт-Урх задумался. Обычно он отвечал мгновенно, а сейчас пауза затянулась. Видимо, из-за блока он не мог извлекать из памяти собеседников готовые словесные конструкции, относящиеся к заданному вопросу, и ему сейчас пришлось формулировать ответ самостоятельно.

Когда он заговорил, стало видно, что он на самом деле испытывает затруднения, смысловые и стилистические.

– Мне кажется, такая возможность не рассматривалась. Я не зря говорил: «Если бы мне было позволено выступить на Рорайма...» В совете не так много мыслящих, хорошо знающих привычки и обычаи людей. Вернее, хорошо их не знает никто. Я – один из самых осведомлен-

ных. Подобных мне наберется дюжина, две – уже нет. Другие, мне кажется, рассуждали так: «Каждое действие встречает противодействие на сопоставимом уровне. При наших встречах с людьми они никогда не продолжали боевые действия после завершения... эпизода. Во время боя на станции люди убили несколько мыслящих и использовали взрывчатое вещество. Мы ответим тем же. На этом все закончится. До... следующего столкновения».

– А ты думаешь иначе?

– Да, теперь я думаю иначе. Особенно изучив историю. Когда я вызвался прилететь на встречу с вами, я понимал уже, что между нами все время происходят... недоразумения. Я решил, что, появившись сразу после... конфликта, откровенно поговорив с глазу на глаз, сумею убедить людей в отсутствии с нашей стороны намерения враждовать бесконечно. Как знак... доброй воли, я хотел предъявить вам наш отказ от... равноценного ответа. Я надеялся, что сумею организовать встречу ваших представителей с Рорайма...

Шульгин неожиданно засмеялся.

– Что это с тобой? – удивился Левашов.

– «Сказку о тройке» вспомнил. Насчет реморализации клопов и переключение их с паразитизма на равноправный симбиоз с человечеством. Так этот тоже – клоп-говорун! Он донесет до своих ценную мысль, что с людьми воевать не стоит. И кто же его послушает?

– Зря ты так. Человек ради идеи жизнью рискнул, да и идея не такая уж бессмысленная, – ответил Воронцов.

– Продолжай, Антон, – сказал Новиков.

– Ты говоришь – дюжина ученых, хоть что-то знающих о мире людей. Как же так можно? Особенно, если вы собрались вторгаться на территории, занятые миллиардами совсем иначе устроенных существ. У нас бы таким делом занимались десятки специализированных организаций с тысячами сотрудников.

– У нас по-другому. Остальным это совсем не нужно. Каждый клан ученых занимается своей тематикой.

– Не выходит, – тут же отреагировал Шульгин. – Те наблюдатели на станции признались, что они изучают Землю не одно столетие. И направляли экспедиции не только к нам, а и на другие планеты, где тоже пришлось немного пострелять и померяться в силе телепатических способностей.

– Это совсем другое, – сделал отстраняющий жест Шатт-Урх. – Исследователи изучают совсем не так, как мы, и – не то! Я ведь говорил уже – большинство особей руководствуются только инстинктами. И еще некоторыми *способностями*, для которых в ваших языках нет названий. У вас ведь есть пчелы?

– Конечно, – удивился Антон.

– Они строят соты, собирают мед, поддерживают дисциплину и порядок в своих дуплах?

– Да. Только ульев для себя делать не научились, вместо дупел, люди им помогают.

– Неважно. Но все остальное они делают хорошо, обеспечивают выживание своего вида, и качество конечного продукта, меда, всегда совпадает с исходно заданным миллион лет назад?

– Так и есть, не поспоришь.

– А вы когда-нибудь видели написанный пчелой учебник – по архитектуре, навигации, органической химии?

– Ну, это мы еще у Энгельса читали, чем самая хорошая пчела отличается от самого плохого архитектора, – пришло время и Андрею поучаствовать в разговоре.

– Так наши ученые занимаются в основном тем, что «пишут учебники». Я свой написать, увы, не успел, – в голосе Шатт-Урха послышалась почти человеческая печаль.

– Значит, все, что случилось, – инстинктивные реакции немслящих существ? Включая межзвездный перелет? – впервые подал голос Скуратов.

Вместо дуггура ему ответил Воронцов:

– Нашел чему удивляться. А когда рыбы мальки через два океана приходят в нужное место точнее, чем мой штурман с дипломом высшего военно-морского училища? Давайте эту тему сворачивать. На досуге подробности обсудите. Следующий вопрос – какой у них мобилизационный потенциал? И мобресурсы, опять же.

Эти термины Антону пришлось долго растолковывать Шатт-Урху. Тем более, что даже поняв их общий смысл, тот очень долго не мог сообразить, как соотнести несопоставимое.

Если рассматривать количество живой силы, которая может быть привлечена к *тотальной войне*, дуггуры могли направить на Землю до ста миллионов особей, именуемых монстрами, и других, также приспособленных исключительно к войне. Под руководством нескольких десятков тысяч *полумыслящих*.

– Каким путем направить? Что за пути, пригодные для переброски таких масс живой силы?

– Есть летательные аппараты, вы их назвали «медузами». Есть много межпространственных тоннелей. Расстояния между ними не превышают двух-трех сотен километров. Мы ими нередко пользуемся, но не в военных целях. До последнего времени не пользовались, – счел нужным уточнить дуггур.

Наконец они дошли до темы, одинаково всем интересной.

Вопросы пошли наперебой, Шатт-Урх едва успевал отвечать.

Никто не хотел употребить термин «реальность», чтобы не дать противнику нового знания. Он ведь, судя по всему, считал, что ГИП – единственная.

– Вас не удивляло, что при своих походах вы каждый раз попадали в места, очень различные по техническому развитию и образу жизни?

– Некому было замечать разницу. Я первый, кто получил доступ к систематизированному научному знанию о вашем мире. До этого мы пользовались разрозненными фактами, интерпретируемыми каждый раз с новой точки зрения.

Только теперь я понял, что каждый раз итакуатиара выводили тапурукуара в другое время и в места с другим общественным устройством. Они этого осознать и оценить не могли, в силу слишком незначительных, на их взгляд, различий. Как и причину постоянных неудач при попытках силового воздействия. До меня информация дошла слишком поздно. Да и если бы иначе – у меня не хватало данных, чтобы подготовить более правильные планы, а главное – обучающие ленты. Для низших.

– Ну и каков вывод, господин главный специалист? Ты, кстати, вправду самый главный в своей конторе?

– Получается, что так. Потому я и отправился на встречу с вами. Дископланы, к счастью, хранились не в той пещере, которую вы взорвали, и я сумел, узнав о случившемся, легко до них добраться.

«Лариса, будь она здесь, непременно спросила бы, а кем были те, которые ее почти очаровали, – подумал Новиков. – И мы ей такую возможность непременно предоставим».

– Ваша война против людей имеет хоть какие-то шансы на успех? Сто миллионов немыслящих под руководством десяти тысяч полумыслящих. А кампанией будут руководить десять *совсем мыслящих*?

– Приблизительно так.

– Лихо. Один младший офицер на дивизию, и один генерал на десять тысяч дивизий! Навоюете...

Скуратов, постепенно входящий в систему отношений, позволил себе не согласиться с Шульгиным:

– Напрасно вы так думаете. Когда миллиарды огненных муравьев колоннами идут через сельву, они уничтожают на своем пути все. Только птицы могут спастись. И обходятся без

старших, и даже младших офицеров. Хватает пресловутых инстинктов и управляющих феромонов.

Кто-кто, а Новиков однажды нечто подобное в Южной Америке видел. В мелких масштабах, но все равно неприятно вспоминать. А если не муравьи, в полсантиметра каждый, а двухсоткилограммовые туши, в тех же количествах, вооруженные многоствольными митральезами?

О них он и спросил. Для какой, мол, цели у них, в мирной биологической цивилизации, разработано вполне механическое оружие, очень неплохо сконструированное? Значит, есть военная промышленность, металлургия, электроника, химия, есть инженеры-конструкторы, рабочие, способные собирать прецизионную технику, есть, наконец, цели, в которые можно и нужно стрелять.

– И тактика есть, – добавил Шульгин, исходя из собственного опыта, – хреновенькая, конечно, но не хуже, чем в итальянской армии.

– Бомбы, «боевые медузы», специально на живую дичь натасканные ракоскорпионы, – припомнил и Антон свою *коллизию* в канализационном люке.

Похоже, они господина Шатт-Урха достали. Так правильно спланированный допрос на то и рассчитан, чтобы непременно подловить *пациента* на самой больной точке его сильно растревоженной души. На допрос даже ни в чем не виноватый человек приходит очень напряженным. Помня известную присказку: «Был бы человек, а статья найдется». А уж если есть что скрывать и чего бояться, он сам каким-то необъяснимым образом все ближе и ближе подводит разговор со следователем к «тому самому».

Хотя, казалось бы, заранее настройся и старательно обходи все ловушки. Выведи тему допроса за рамки навязываемых вопросов и не думай «о белой обезьяне». Но это очень мало кому удается.

– Вот теперь остановимся, ребята, и начнем говорить всерьез. Дайте, кто там поближе, нашему приятелю контурную карту Земли и карандаш, пусть он нам изобразит расположение их городов, центров военного производства, гарнизонов, транспортную сеть. И все это по ходу дела комментирует. Без всякой словесной туфты... – Шульгин опять попал в свою стихию. «Старший оперуполномоченный» межпланетного масштаба.

– И еще раз напомним ему, Антон, горячим утюгом в грудь, что обманывать нас или пытаться что-то скрыть – не надо. В случае чего, не имея достоверной информации, мы начнем ковровые бомбардировки просто по площадям. А если будем иметь точечные цели – кому-то да повезет из мирных жителей. Он наши фильмы смотрел – покажи еще раз. Гамбург, Кёльн, Дрезден, Токио. Можно и Хиросиму. Объясни, что так у землян выглядит «адекватный ответ».

Сашка встал, с удовольствием глядя на не понявшего его слова дуггура.

– Продолжайте, в общем. А мне нужно выйти. Олег, можно тебя на минуточку?

На крыльце, откуда был виден фьорд с «Валгаллой», судя по дымку над трубами, готовой в ближайший час выйти в открытое море, Левашов спросил:

– Что у тебя теперь? Я что-нибудь пропустил?

– Наверняка. Связь у тебя с Басмановым есть?

– Прямой, конечно же, нет. Можно на выбор – по узкому каналу Ирины универблоком выйти на Сильвию с Берестиным, они переключат на Михаила. Или – опять пробой через СПВ. Тебе как?

– Сильно вроде бы не горит, а там кто его знает. Но если в пределах часа – давай, чтобы лишний раз пространство-время не тревожить, по кругу, через Сильвию.

– Что ты опять темнишь? Со мной – для чего?

– Да кто темнит? Мы с тобой одно и то же слушали. Просто о разном при этом думали...

– Опять?

– Как всегда. На военной кафедре хотя бы слышал, что есть такое понятие – «стремительное выдвижение полевых войск в зону тактического ядерного удара»? Кружки и разноцветные овалы рисовали, с учетом «среднего ветра», уровни заражения рассчитывали? Мне и показалось, что Урх вовремя проболтался. Если у них *такая* армия, то она непременно должна сейчас готовиться, а то и уже начать означенное выдвижение. И наши ребята вполне могут оказаться на острие наступления.

– Куда, зачем?

– А это ты у огненных муравьев спроси, когда встретишься.

– Ладно, пошли...

Ни о каких равноправных переговорах речи теперь не шло. Шатт-Урху была обещана вся возможная помощь для его возвращения домой. В обмен на полную и подробную информацию. То, что парламентар успел сообщить, к таковой имело довольно приблизительное отношение.

Как и первоначальные выводы Удолина. Кстати, отсутствие от него каких-либо сообщений беспокоило. Единственное оптимистическое объяснение сводилось к пресловутой неравномерности течения времени. Вдруг у Константина Васильевича после его перемещения на Валгаллу прошло всего полчаса-час?

Новиков, как философ и социолог по основной профессии, Ростокин – журналист и исследователь чужих миров, Скуратов – знаток нечеловеческих логик с удовольствием бы выслушали полный курс дуггурской истории-биологии. Только время погружаться в такие дебри не пришло.

Шатт-Урх готов был начать издавека, с сотого, может быть, века до нашей эры. Но это извращение *нормальной* эволюции сейчас значения не имело. Важно было выяснить, что собой представляет нынешнее общество.

Его биолого-политическое устройство тоже, конечно, представляло огромный интерес, особенно для тех, кто захотел бы его посетить. С экскурсионными или дипломатическими целями. Организовано оно было весьма оригинально. Неразумные и псевдоразумные его компоненты, выведенные тысячелетиями искусственного отбора и генетических модификаций «исходного материала», обеспечивали физическое существование большинства и «экономический базис» цивилизации. «Надстройку» же составляло всего лишь несколько миллионов (по оценке Шатт-Урха, точными статданными он не располагал), вполне разумных. Но даже среди них существовала жесткая кастовая система.

Кое-что рациональное в таком устройстве жизни, пожалуй, найти было можно. Хотя бы в смысле сохранения экологии, исходного биогеоценоза и порядка политического устройства. Шатт-Урх утверждал, что «политики» у них нет и быть не может, но это оставалось, в лучшем случае, его личным заблуждением.

– Кажется, нас можно поздравить, – сказал Новиков. – Вывернуться вывернулись. Но нам этого, как всегда, мало. Так и что же мы собираемся спасать на этот раз? Неплохо бы наконец определиться. А то опять текучка заела. Честно собрались отсидеться в тихом уголке, да, похоже, снова не вышло.

– Да и не могло выйти, – ответил Воронцов. – Пора бы убедиться. Рубикон обычно переходят один раз.

– Ну а не сунься мы в эту Африку, предпочтя, скажем, Аргентину? – спросил Левашов.

– И что? – с веселым удивлением посмотрел на него Шульгин. – Если б мы даже решили честно предаться «недеянию» и невмешательству, попытавшись заняться безобидным скотоводством в пампасах, кто-нибудь нас непременно бы достал. Как будто не пробовали уже. Тебе перечислить? – Он вытянул руку, готовясь загибать пальцы. – Монстры в Москву и Барселону сами пришли, я их не трогал. Твоя Лариса в Кисловодске попробовала пожить как хочется – ан

тут же появились подруги из две тысячи пятого – монархического. Потом эта история с моими странствиями черт знает где, потом Валгалла. Визит Антона, Замок, Южная Африка. Мы до сих пор думаем, будто что-то в состоянии выбирать, а на самом деле все давно выбрано за нас...

– Тогда что нам остается? – наивно спросил Олег.

– Совершенно ничего. Поступать так, как подсказывает самая банальная житейская логика. Что мы, братцы, имеем? Если тщательно разобраться?

Кочевали по прериям, никого не трогали. Так? Тут же приперлись англичане, за сотню верст от мест, где им быть полагалось. Так? Им лично жить надоело или под заказ работали? Пришлось, не скрою, разобраться попросту, совсем не желая кого-то обижать.

Дальше. Встретили дагонов, только начали налаживать отношения – немедленно появились дуггуры. Тяжело было, но поучили уму-разуму в свойственном нам хамском стиле. Дух перевести не успели – к нам пришел Шатт-Урх. В тот момент, когда мы решили, что выбрались и возвращаемся домой. Мы никого обижать не собирались, согласны? И его не звали. Но теперь он здесь. Вот и давайте с ним работать. А что еще? – закончил тираду Шульгин, закуривая и глядя на Андрея с едва ли не издевательской усмешкой.

– Ты спросил – что на этот раз спасти будем? Себя, кого же еще? А заодно и те обстоятельства, которые делают жизнь осмысленной. Всегда, во всех войнах так было. Просто я надеюсь, что ты умнее царя Хаммурапи, потому и оправдания наших бесконечно-бессмысленных конфликтов в твоих устах должны звучать куда аргументированнее его тезисов: «Я сокрошу ваши дома, я возьму ваш скот, я убью всех мужчин, а женщин сделаю подстилкой моих воинов...» Мы хоть немного цивилизованнее? Однако какие бабы у их высших классов, я бы посмотрел. Вдруг – вроде Таис Афинской?

– Исчерпывающе. Ничего не возразишь, – согласился Новиков. – Хотя и немного примитивно. Спасение собственной шкуры – какая-то не очень возвышенная цель. Насчет баб – уже интереснее. А с Урхом работать надо. Антон уже начал. Не завидую я ему, когда «дед» Удолин подключится.

– Кому, Антону или Урху? – с интонацией, усвоенной скорее в начале XX, чем в середине XXI века, спросил Ростокин.

– Да кто ж их знает, – с грустным, пристойным юродивому на паперти Успенского собора выражением лица и тоном оттуда же ответил Александр Иванович. – Живем в заколдованном этом лесу, откуда уйти невозможно...

Глава 3

Басманов не успел закончить дипломатическую беседу с президентом Трансвааля Крюгером. В салон, отстранив движением руки часового, как будто это был простой привратник, невзирая на длинную винтовку у ноги и большой револьвер на поясе, почти ворвался тот самый Оноли, которому Михаил Федорович предписал отправиться вместе с пленными к месту расквартирования бригады. И заняться там «политическим сыском» на предмет непрохождения телеграммы.

– Господин полковник...

Нарушение протокола было вопиющим, но война и есть война. Зря отвлекать не станут.

– Простите, ваше высокопревосходительство, – Басманов кое-как изобразил подходящую к случаю почтительность. – Служба требует. Мы пока в зоне боевых действий. Я – строевик. Моя забота. А вы пока с господином Сугоринным продолжите обсуждать *ваши* стратегические перспективы.

Валерий Евгеньевич взглянул на Басманова осуждающе. Уж слишком бескомпромиссно, на его взгляд, говорил тридцатилетний полковник, пусть и облеченный немислимой степенью власти, с семидесятилетним президентом.

Крюгер вальяжно сделал рукой одновременно и отстраняющий, и как бы предоставляющий карт-бланш жест. Кажется, он был даже рад, что этот настырный полковник исчезнет. Ненадолго, а лучше – *вообще*. Мысль мелькнула самым дальним краем сознания и тут же заполнила весь его объем. Действительно – зачем нам *такие* союзники?

Напористая манера Басманова его, очевидно, утомила. Для того чтобы осознать услышанное и найти подходящие случаю ответы, требовалось достаточное время, например – вся ночь. И порядочная часть следующего дня. Сам по себе староголландский язык это предусматривает, одновременно являясь порождением издавна сложившегося стиля мышления.

А этот спешит, тараторит, за собственными словами не поспевая. Как новомодный пулемет «Мáксима» в сравнении с добрым старым дульнозарядным капсюльным ружьем.

– Чего тебе? – спросил полковник, когда они вышли в тамбур салон-вагона. – До разъезда еще далеко. Англичане взбунтовались или как?

– Простите, господин полковник, – старательно маскируя свое раздражение (*и этот себе* позволяет, скривился Басманов) подчеркнутой вежливостью, сказал поручик. – Вас там к радиостанции просят. Из Кейптауна.

– Понял. Спасибо. А ты чего такой взвинченный? Задание не нравится?

– Не нравится, опять же прошу прощения. Тут, похоже, снова жареным пахнет, а вы меня в тыл...

– Каким жареным? – машинально спросил Басманов, прикидывая, каким образом ему переходить из этого поезда в свой. Стоп-кран, что ли, дергать? Он только сейчас удивился появлению Оноли, весь поглощенный переговорами с президентом.

– На сливочном масле, – дерзковато ответил поручик. Видать, дела и совсем плохие. Только *он* откуда *это* уже знает?

– Поезда мы состыковали. Не совсем удобно – с площадки вагона на тендер, потом по паровозной площадке мимо котла, а там уже и наша территория. Но пройти можно. Зато без остановки, – теперь уже ровным голосом ответил Оноли.

Радио до Кейптауна брало хорошо, Кирсанова было слышно без атмосферных помех.

– Что в твоих краях новенького? – спросил Павел.

– Все как всегда. Сейчас вот Крюгера от нападения бродячих англичан спас. Постреляли немного, пленных взяли, сидел с дедом, уму-разуму учил, пока ты не позвал. А у тебя?

– Выше всяческих похвал. Я тебе долго мозги полоскать не буду. С тобой Александр Иванович поговорить хочет.

– Откуда вдруг? Они же...

– Мне не объясняли. Связь идет через Лондон. Как это устроено – ваше дело. Я сейчас за синхронного переводчика работать буду. Он мне говорит, я тебе дословно повторяю. И наоборот. Начали.

Никаким чудесам техники Басманов давно не удивлялся. Сразу сообразил, что Шульгин и все остальные сейчас где-то очень далеко, так далеко, что обычная радиосвязь недоступна, но до Лондона по какой-то специальной аппаратуре они достают. Хорошо хоть так. Не окончательно их реальности разделили. Рядом все. Но все равно труднодостижимо. Разговаривать по радио с далеким будущим...

Поздоровавшись, Александр попросил назвать нынешние географические координаты Басманова.

Михаил Федорович жестом потребовал у дежурного офицера планшет, пальцем нашел при свете неяркой лампочки место, которое они сейчас, примерно, проезжали. Пятнадцать километров до развилки на Данбарксфонтейн, где Оноли следовало покинуть отряд.

– Едем поездом вместе с президентом Крюгером в Блумфонтейн. Большая часть бригады неподалеку от Данбарксфонтейна.

– Слушай меня внимательно, – слишком для него напряженным голосом сказал Кирсанов, дублируя Шульгина, – где-то в окрестностях именно этого места, куда черт тебя занес, может быть в ближайшее время, несколько юго– или северо-западнее, вторжение известных тебе персонажей. Монстров, короче говоря...

– Мать твою, – выдохнул Михаил. К сообщениям подобного рода он привык относиться правильно. Как фронтовой офицер.

«Настоящих» монстров Басманов видел только в кино. Барселонское побоище выглядело впечатляюще. Но других, в Москве тридцать восьмого, рассмотрел лично и вблизи. «Медузу» и ее «десантную партию». При этом воспоминании на душе сделалось погано. Участниками *встречи* были находящийся при нем Ненадо и сидевший в Кейптауне, наверняка неподалеку от Кирсанова, Давыдов.

– Какой процент вероятности вторжения? – по привычке спросил Басманов.

– От пятидесяти до ста процентов. Очень может быть, что они уже высадились. Вопрос только в том, ограничатся они зачисткой территории вокруг последнего нашего бивуака или развернут наступление широким фронтом.

– А зачем? – неожиданно для себя спросил Михаил. Глупый для профессионала вопрос, но слишком он был удивлен и встревожен.

– Если бы я знал. Может быть, нас с тобой искать. Мы им там шороха навели, расквитаться хотят. А ты сейчас единственный, кто у них в списках мог оказаться. С остальными они не пересекались.

– Не только. Тут Ненадо со мной, Давыдов в Кейптауне. Они оба в Москве отметились.

– Тоже верно. Ну, будем надеяться, я просто перестраховываюсь. Будь начеку и убирайся оттуда как можно дальше и быстрее. Если что – Сильвия с Алексеем вас выдернут. Связись с ними. Ну и мы, если нужно, подключимся. Не беспокойся.

– Слушай, командир, а мне с ними воевать нечем, – вспомнив, как полного боекомплекта спаренного «КПВ» едва хватило, чтобы раздолбать всего лишь одну «медузу», сказал Басманов. – Только легкое стрелковое. «РПГ» немножко, «СПГ» чуть-чуть. У бригады на вооружении несколько скорострельных пушек. И все.

– Я не говорю – всерьез воевать. Глядишь – вообще обойдется. Но если вдруг... Как бы не пришлось тебе с англичанами мир заключать и вместе отражать агрессию. Сколько у тебя пленных?

– Человек сорок. Суммарно с теми, что раньше взяты.

– Кое-что. Повод для переговоров. И Крюгер с тобой едет?

– Или я с ним.

– Первое вернее. Тоже туз в рукаве.

Мысль о том, что вдруг придется прекращать эту войну и начинать новую, в общем строю с бывшим противником, поначалу показалась Басманову нелепой. А впрочем... Не раз такое в истории случалось, особенно перед лицом одной на всех смертельной угрозы.

– Ты не нервничай, Михаил, – понял его состояние Шульгин. – Если начнется, мы, конечно, все бросим и к вам на подмогу немедленно явимся. Не сомневайся. А пока делай, что наметил. Связь через Лондон и Павла. Как сейчас. Иначе не выходит. Будь с ним в контакте.

– Если до Блюмфонтейна доедем – снова свяжусь.

– Если нет – тем более. На всякий случай имей в виду – у Белли на «Изумруде» есть несколько тяжелых ракет «Гранит». С подходящей дальностью. На крайний случай, конечно, но если цель будет того стоить – прикажешь. Он стрельнет. Заблаговременно на него настройся.

– Договоримся. Еще указания будут?

– Пока нет. Повторяю – пока это только наши предположения, но нужно быть готовым к любому варианту. Не впервой ведь.

– Так точно. Не впервой. Прорвемся.

– Значит, до встречи. Привет от всех.

– Взаимно.

Кирсанов прекратил трансляцию. Через несколько минут, пока он о чем-то разговаривал с Шульгиным, Михаил слушал треск и завывания в эфире. И размышлял. Верить опасениям старшего товарища очень не хотелось. Одно дело – принимать бой с *потусторонним* врагом в составе и при поддержке всего «Братства», с его технической мощью, совсем другое – встретиться с монстрами один на один.

– Ну и как тебе? – Теперь в наушниках слышался собственный голос Павла, с личными интонациями.

– Я бы сказал, как... Ты – поверил?

– Поверил, не поверил – какая разница? Нас не спросят. Что-то же их заставило довести до нас эту информацию. А кино про этих... я тоже видел. Приходили туда, могут и сюда. Какая разница?

– Да уж, утешил. Ну, я побежал, дел, как видишь, прибавилось. В случае чего – на тебя вся надежда. И по связи, и в дипломатии, если вправду придется с бриттами союз заключать.

– Не бойсь, управимся.

Тут они были на равных. В одинаковом дореволюционном чине и в нынешнем. По вопросам прерогатив и компетенций ни разу не пересекались, наоборот, помогали друг другу в меру сил и обстоятельств. Но главное – понимали один другого на общем эмоциональном уровне, не так, как каждый по отдельности Шульгина или Новикова.

Стоя на тормозной площадке вагона, Басманов всматривался в медленно ползущий мимо ночной пейзаж. Как теперь поступить? Наплевать на поиски виновников задержки телеграммы и целиком сосредоточиться на новой опасности? Или до последнего вести себя так, будто ничего не изменилось?

Наконец сделал выбор.

Крикнул внутрь вагона, чтобы подошли Ненадо и Оноли. Первым делом спросил у Валерьяна, каким это образом тот догадался, что «жареным запахло»?

– Тебе что, полковник Кирсанов раньше меня обстановку докладывает?

– Никак нет, Михаил Федорович. Чисто дедуктивным методом. Господин Кирсанов по пустякам вас тревожить не стал бы – первое. Тон его несколько нервозностью отдавал – второе. Спросил, как у нас дела, я ответил. А он мне: «Ну, это ерунда. Зови командира» – третье. Сапиенти – сат.⁵

Ничего удивительного. Во все времена подчиненные ухитрялись узнавать даже сверхсекретную информацию раньше начальства.

Он вкратце пересказал офицерам суть предупреждения Шульгина.

Игнат Борисович нахмурился. Ни малейшего желания снова встречаться с «медузами» и прочими существами, имеющими к ним отношение, он не испытывал. С людьми любых ориентаций и убеждений – сколько угодно.

Оноли знал, о чем идет речь, только со слов того же Ненадо, сразу после боя в Москве поделившегося впечатлениями с близкими друзьями, к которым Валерьян относился.

И первый вопрос, который возник у ветеранов, – чем отбиваться будем?

– О том и речь, братцы, о том и речь, – ответил Басманов. – Со слов Александра Ивановича я знаю, винтовочная пуля трехлинейки их берет. Не наверняка, но при хорошем попадании убить можно.

– А автоматная? – спросил Оноли.

– Должна, из тех же обстоятельств. Особенно если очередью и кучно. Бронебойно-зажигательная – тем более. Особенно в башку.

– Мало их у нас, – посетовал Ненадо. – Пара ящиков всего. Да и те на всякий случай прихватили.

– Патронов вообще мало, – уточнил поручик. – Не на ту войну ехали. От тысячи чудищ из-за брони отобьемся, а там – все, господа, – развел он руками. – Барселоны – не обещаю, по причине отсутствия наличия танков... Или наличия отсутствия.

– Поэтому задание меняется, – сообщил Басманов. – Шпионов мы пока ловить не будем. Один из вас возьмет паровоз, без вагонов, и полным ходом погонит в бригаду. Три часа в один конец, подъем по тревоге, погрузка со всем снаряжением в любые вагоны, какие найдутся, и к нам, сюда вот. – Он указал место на карте. – Или в Блумфонтейн, если доберемся. Пушки на платформы, трубки на картечь. Кто поедет?

– Могу я, – после недолгого молчания сказал капитан. – По хозяйственной части я лучше, чем Валерьян, управлюсь.

Тут спорить было не с чем. Фельдфебельские привычки Ненадо, усвоенные еще в старой армии, были в этом случае куда полезнее, чем взрывной энтузиазм поручика, отважного, но не всегда умевшего управлять собой, не то чтобы сотнями равных чинами и боевым опытом офицеров.

Но и при себе Ненадо Басманову тоже хотелось оставить. По той же самой причине. Ну да ладно, полдня-день он и сам управится. Оставалась у него надежда, что до укрепленного города отряд как-нибудь доедет.

– Значит, так и решили. Ты, Игнат Борисович, за комбрига поработаешь, а мы с тобой, поручик, здесь. Вы куда трофейное английское оружие девали?

– Да там, в соседнем вагоне сложили.

– Отправь, Валерьян, толкового унтера, пусть наготове будет. Если что случится, чтобы снова раздать. У меня на пленных надежды больше, чем на буров. Все же культурная нация, обезьян с пулеметами не так испугаются. Да я и сам с ними поговорю. Вроде бы так, на общие

⁵ Умному – достаточно (лат.).

темы, о жизни, о смерти, но в нужную сторону сориентирую. И вообще, кто-нибудь озаботился, чтобы их накормить, напоить, медпомощь оказать?

– Раненых перевязали, сам видел, – ответил Ненадо, – про остальное не интересовался. Тут в эшелоне свое, бурское начальство есть.

– Ладно, до разъезда потерпят. А потом, поручик, переведи пленных в наши вагоны...

– Будет сделано, Михаил Федорович. Я, если хотите знать, полностью с вами согласен в данном вопросе, – без должного почтения глядя на Басманова, ответил Оноли.

– Вот ты знаешь, Валерьян, я с тех пор, как в пятнадцатом году начали таких фендриков,⁶ как ты, в нормальные части присылать, так и понял, что война проиграна. Уловил ход моей мысли?

– Так точно, ваше высокоблагородие. А кто же мешал вам, кадровым, без нашего участия войну проиграть? Дешевле бы обошлось.

Подобным образом Басманов позволял пикироваться с собой только кавалерам «Царьградского креста». Да и то с глазу на глаз. В служебной обстановке спрашивал пожестче, чем с других.

Вернулся Сугорин от Крюгера, и Михаил рассказал ему все, что сам услышал от Шульгина с Кирсановым и успел обдумать.

– Вы меня продолжаете удивлять, – со странной интонацией сказал полковник. – Теперь у вас «Война миров» Уэллса намечается. На Англо-бурскую сагитировали, я согласился. Но о другом мы не договаривались.

– А я на что договаривался? Сдается мне, Валерий Евгеньевич, все степени вашей свободы были исчерпаны в восемьсот девяностом году? Когда вас в кадетский корпус родители отдали?

– В девяносто первом. В Первый Киевский.

– Извините, на год ошибся. Но каштаны на бульварах также цвели. Вот на этом и все. Меня – в девятьсот шестом. Во Второй Петербургский имени Александра Третьего. С тех пор возможности выбора жизненного пути у нас с вами были достаточно ограничены. Не так?

– Не совсем ограничены... – Сугорин помолчал. – Но в общем вы правы. Вы можете сейчас вернуть меня на мою дачу в Одессе?

– Если вы этого действительно хотите – могу. Не прямо сейчас, но в ближайшие сутки сделаем. С положенным выходным пособием. До следующей мировой войны доживете безбедно. Море шумит, виноградные листья на веранду падают...

– Не будьте столь язвительным, – вскинул подбородок полковник. – Ваши манеры иногда... раздражают. И при этом...

– Да вот ведь в чем штука, получается, что и не хочу я возвращаться, – немного подумав, ответил Сугорин. – Интересно мне... Я не так давно в своей постели помереть собирался, раз на фронтах не пришлось, а после того, как вы меня своим магнитным браслетиком подлечили, – удивительная, слов нет, штука, – так чего же и еще не повоевать?

Басманов как-то совсем забыл за повседневными служебными заботами, что после суточного курса лечения гомеостатом полковник превратился в абсолютно здорового человека, каких в девятнадцатом веке, считай, и не было. У кого скрытый туберкулез, у кого злокачественные глисты или просто общая анемия и дисбактериоз.

До полного омоложения дело не дошло, браслет он у полковника утром отобрал, но Сугорин теперь, не совсем это понимая (процесс подстройки психики к исправленной соматике занимает не один день), возвращался к уровню самоощущения тридцатипятилетнего примерно

⁶ «Фендрик» – пренебрежительное наименование прапорщиков военного времени. От немецкого «фенрих» – «кандидат в офицеры».

человека. И силы в нем бурлили, вроде как у всем известного Гиляровского, в шестьдесят лет вязавшего узлом железную кочергу. Или у министра царского двора графа Фредерикса, в восемьдесят сутками не слезавшего с седла на красносельских маневрах.

– Ну так и повоюем, – улыбнулся Михаил. – И жить – умирать и не жить – умирать. Да и вообще, как бы ни сложилось, много новых вариантов получается. Я вот подумал, вдруг правда мы с англичанами сможем о чем-то более интересном, чем текущая война, договориться?

Расставшись с Сугориным, полковник вернулся в отсек с радиостанцией. До окрестностей Дурбана, где мог сейчас находиться «Изумруд», связь доставала. И Белли откликнулся почти сразу.

Басманов, осведомившись, как там у него, пользуясь своим положением старшего по команде, попросил, чтобы крейсер вошел в гавань, сохраняя боеготовность номер один.

– А теперь еще вот что. Пятнадцать своих роботов перенастрой по той программе, что у нас для инструкторов по боевой подготовке применялась. Приставь к ним в качестве командира одного из крымских лейтенантов с боевым сухопутным опытом и немедленно отправь ко мне.

– К вам – куда?

– Поездом в Блумфонтейн. Экстренным и на полной скорости. Помимо всяких расписаний. В Данбарксфонтейне должна грузиться в вагоны бригада под командованием Ненадо. Если твои успеют быстрее, пусть гонят, не задерживаясь. Из своих запасов вооружи их, как для войны в двадцать первом. Не году, а веке. «Пламя», «Васильки», «Мухи», «Шмели», «ПКМ» и боеприпасов по десять боекомплектов.

– Да что там у вас, Михаил Федорович? – не на шутку встревожился Белли. Команда звучала странно. С тем, о чем просил Басманов, можно было не только Кейптаун, всю Африку взять.

– Пока ничего, но поступила информация. Всякое может случиться. Шульгин мне сказал, чтобы я тебе предложил все свои ракетные комплексы в готовность привести...

– Ого! – только и нашел, что ответить, Владимир.

– А на кой хрен они у тебя вообще? Раз есть, когда-нибудь и стрелять придется!

– Понял вас, Михаил Федорович.

– И дальше понимай. Полчаса на подготовку боевого приказа – и вперед!

В самом конце разговора, чтобы не оставлять Белли в полном недоумении и расстройстве, Басманов добавил: «Кино в Замке смотрел? Про Барселону. Ну вот что-то в этом роде и у нас ожидается. Ты, пожалуй, когда десант отправишь, лучше в море выходи. Куда-нибудь на траверз мыса Игольного. И маневрируй потихоньку в ожидании развития событий. От встречи с кем бы то ни было уклоняйся».

До Блумфонтейна охрана Крюгера и бойцы Басманова доехали в большом напряжении, но спокойно. Сейчас этот небольшой сонный городишко, превратившись в прифронтовой, был переполнен вооруженными людьми, причем отличить бойцов относительно регулярных бурских формирований от неорганизованных «фрилансеров» было невозможно. Разве что по состоянию форменной одежды и оружия.

Будь здесь Яков Александрович Слащев – с соответствующими полномочиями, конечно, как в двадцатом году в Крыму – за сутки навел бы надлежащий порядок. Всех, кого возможно, поставил в строй, подкрепив организационные мероприятия несколькими показательными расстрелами или повешениями.

У Басманова таких прав, увы, не имелось, поэтому он, взаимодействуя с бурскими генералами, старался хотя бы отделить «агнцев от козлиц». Ввел подобие комендантской службы,

патрулирование улиц и близких окрестностей, всех анархически настроенных бойцов вытеснил за пределы мест дислокации сохраняющих управляемость «коммандо».

Кое-что начало получаться, хотя не обходилось без эксцессов. Незначительных, по меркам семнадцатого-двадцатого годов. Он надеялся, что с подходом его бригады и нескольких тысяч бойцов Жубера, получивших навыки современной войны во время совместных действий с иностранными волонтерами, ему удастся сформировать ударную группировку, способную осуществить, в соразмерных масштабах, конечно, некое подобие Брусиловского прорыва на территорию Капской колонии.

За этими круглосуточными заботами предупреждение Шульгина незаметно отошло на задний план. Не забылось совсем, но потеряло свою остроту. Частые переговоры с Кирсановым, получаемая от него стратегическая информация тоже обнадеживали. Судя по всему, моральный настрой британской группировки и местных жителей не позволит им организовать устойчивую оборону на ближних подступах к Кейптауну. Ни Севастополя, ни Порт-Артура у них не получится. Только Сингапур, капитулировавший при первом появлении японцев на северном берегу пролива Кота-Бару.

Как только на станции остановился паровоз и два вагона с десантом «морской пехоты» из Дурбана, Басманов окончательно почувствовал себя хозяином положения. Флотский лейтенант Карцев, немного знакомый по боям за Новороссийск, весьма довольный тем, что снова оказался на фронте, представил ему своих орлов и доложил, какими силами и средствами располагает.

– В настоящем деле я своих ребят еще не видел, – честно признался лейтенант, – но слухи доходили, как же. Думается, я с ними без боя могу пройти через горы, войти в Кейптаун и навести там такого шороха, что господин Робертс сам с белым флагом на крыльцо своего дворца выйдет.

– Не сейчас, Петр Лукич. Вы мне, честно сказать, пока для другого нужны. В качестве резерва Главного командования. Для поддержания внутреннего порядка в гарнизоне и для ведения дальней разведки по всем азимутам. А вводить ли их в регулярный бой или так обойдемся – потом видно будет.

– Как прикажете, Михаил Федорович. Мне и самому моментами кажется, что натравливать эти механизмы на живых людей – как-то неспортивно.

– Вы еще скажите – не по-божески. В шестнадцатом году, когда немцы по нам первый раз иприт применили, тоже показалось – конец света! А потом ничего, пообвыкли. Противогазы появились, и нам химические снаряды подвезли. Стреляли за милую душу...

Взвод разместили в двухэтажном каменном здании на краю привокзальной площади, перенесли туда свое и английское оружие и боеприпасы. Офицеры отряда Оноли испытали неприкрытый восторг, увидев прибывшее подкрепление. Те, кто тренировался под руководством роботов-инструкторов по пути из Стамбула в Севастополь, знали их удивительные способности. Не в меньшей степени они обрадовались тому, что начальство наконец разрешило использовать *настоящее оружие*.

– Если бы нам позволили из «Васильков» и «Пламени» на Моддере пострелять, уже бы в кейптаунских кабаках шампанское пили и в Лондон дружеский визит готовили!

– Не увлекайтесь, господа, не увлекайтесь, – осадил энтузиастов полковник. – Это все на крайний случай. Сколько раз вам говорилось – слишком грубое вмешательство в текущий порядок вещей чревато...

– Подождем, когда снова, как в Москве, нас начнут супертанками давить? – чересчур громко сплюнул с губы приставшие табачные крошки Оноли. Уж он-то лучше всех помнил, каково это – подпускать к себе грохочущее, бьющее из пушки и пулеметов чудовище на писто-

летный выстрел, да еще, выполняя просьбу командира, целить так, чтобы танк обезвредить, а экипаж живьем взять.

– Это уж как придется, – отрезал Басманов. – Тебе за что кресты, чины и жалованье дают? Надоело – можешь опять в свой универ возвращаться. Восстановят на прежнем курсе, ручаюсь. Говорят, в России в адвокатах нехватка...

– Да что вы опять, ваше высокоблагородие?! Спросить нельзя...

Разница в возрасте у них была небольшая, но в чинах и положении – огромная. Кадровый капитан царской службы и вольноопределяющийся⁷ военного времени – это вам не плотник супротив столяра, это вообще из других измерений.

– Все думалось – пронесет, пронесет, – говорил Басманов Сугорину, нервно сбивая стеклом пыль с голенища. – Ан хрен!

Полчаса назад к северным заставам Блюмфонтейна на запаленных конях выскочили два трек-бура,⁸ выглядевших полусумасшедшими. Один – без шляпы, что для бура почти невероятно. Как без штанов. Но винтовки не бросили, хотя нагрудные патронташи были пусты.

Они и сообщили, отдышавшись и выглотав по полфляги самогона, имевшегося у бойцов оцепления, о появлении в вельде невиданных чудовищ.

Офицерские патрули, заблаговременно предупрежденные о необходимости докладывать «на самый верх» именно о не укладывающихся в привычные рамки событиях, немедленно доставили вестников в штаб.

Бурские командиры наверняка бы не поверили их сбивчивым и путаным показаниям, в лучшем случае разборки и бессмысленные словопрения затянулись бы на многие часы. Басманову же хватило нескольких секунд.

Он за руку подтащил бура, выглядевшего посмекалистей, к столу с развернутой картой.

– Где? Покажи! Сколько их было?

К счастью, карту тот читать умел. Ткнул грязным пальцем.

– Тут. На правом берегу Моддера, недалеко от Босхофа. Несколько сотен. Мы гнали гурт в Фортеен-Стримс. Остановились на водопой, тут они и появились. Сначала мы подумали – с гор спустились обезьяны. Павианы ведь, известно, часто устраивают набеги на деревни кафров и зулусов. Только не павианы то были. Больше на горилл похоже. А откуда у нас здесь гориллы? Они там, за Лимпопо и Замбези...

Бежали эти обезьяны очень быстро. Бюргер и Ван Меер, они были на той стороне, начали стрелять. Мы собрались скакать им на помощь, да не успели. Обезьяны открыли ответный огонь, да такой, что я и на войне не слышал. Из пулеметов! Откуда у обезьян пулеметы? У меня глаз хороший, я увидел, что товарищей сразу убили. А нас они не видели, гурт заслонял и пыль.

Клотц кричит мне – сматываемся, я еще жить хочу. Ну мы и поскакали. Тут сбоку выскочило еще десяток или два. Мы стреляли на ходу. В нескольких попали. Так и покатались по земле...

– А по вам стреляли? – спросил Сугорин, наливая бурам по стаканчику настоящей водки.

– Еще как стреляли. Прямо воздух гудел над головами. Мне шляпу сбило.

– Везунчики, – сказал Басманов. – Вы садитесь, закуривайте. И что дальше было?

– Они гнались за нами мили две. Три раза мы останавливались в удобных местах, дать коням дух перевести, и стреляли, стреляли... Сдается, они все-таки испугались под

⁷ *Вольноопределяющийся* – призванный в армию (или пошедший добровольно) выпускник среднего или студент высшего учебного заведения, имевший право выбирать род войск и место прохождения службы, носивший особый кант на солдатских погонах при офицерской форме одежды, по сдаче специального экзамена производившийся в чин подпоручика. Или без экзамена – при награждении любым орденом, в т. ч. солдатским Георгиевским крестом.

⁸ *Трек-бур* – скотовод-кочевник, ведущий полуоседлый образ жизни. Нечто вроде ковбоя времен покорения Дальнего Запада САСШ.

конец. Слишком далеко от своих оторвались. Может, подумали, что мы их на засаду наводим. Отстали...

Бур дрожащими руками раскочегарил свою громадную трубку. В это время вмешался второй, по имени Клотц, надо понимать.

– Я еще что успел заметить. Когда мы уже поскакали, обезьяны начали жрать коров. Прямо кидались и рвали зубами. Как львы антилопу...

– Молодцы, ребята, – пожал им руки Басманов. – Наградить бы вас чем... Вот, возьмите, что ли, – он протянул на ладони пять или шесть русских золотых империалов,⁹ весьма уважаемых во всех концах света.

– Премного благодарны, господин. Новое стадо – мы тысячу голов гнали – за эти деньги не купить, конечно, зато на патроны хватит.

– Патронов мы даром сколько хотите дадим. Кстати, как тебя зовут?

– Де Веттер.

– Из чего вы отстреливались?

– Да вот из них, из «винчестеров», – бур качнул вперед старую винтовку, на которую опирался.

«Ага, – прикинул Басманов, – калибр от 12,5 до 14 миллиметров».

– И как? Убивает?

– Если попадешь, – ухмыльнулся порядочно подвыпивший бур. И никакой нужды в специальной психологической реабилитации, которую новомодные радетели «прав человека» требуют для каждого солдата, хоть денек побывшего на фронте, хоть иракском, хоть чеченском, он явно не испытывал. – Бывало – с первого выстрела падали, иногда – два-три патрона потратишь. Но чтобы не подох, когда де Веттер стреляет, такого не случалось. Иначе как бы мы перед вами сейчас стояли?

Стояли они как раз не очень, но характер чувствовался. Одной рукой на стол опереться, другой на винтовку. И порядок.

– Угу, – кивнул Михаил. – Учтем. Пятнадцать миль, говорите? Ну ладно, идите, отдыхайте.

– Опять выходит, что наши друзья не ошибаются, – взял Сугорин папиросу из раскрытой коробки на столе. – И какое теперь будет решение?

Удивительно, но Басманов испытывал сейчас облегчение. Тягостные сомнения позади, остается действовать.

– Первым делом высылаем боевое охранение. Под командой поручика Оноли, с ним трех *андроидов*. (Слово «робот» он при Сугорине отчего-то старался не употреблять.) Еще троих беру себе. Остальные – при вас. Где нашу бригаду черт носит? Пешком быстрее бы добрались!

По расчетам полковника, эшелон Ненадо должен был уже прибыть. Хорошо, что их путь лежит значительно восточнее места появления монстров.

– По телеграфу передали – поезд проследовал через последнюю станцию без остановки...

– Значит, часа через два с небольшим будут. Не затруднитесь лично встретить. Пушки снять с платформ немедленно и выкатывать на передовые позиции. Гарнизон поднимаем по тревоге. Я сейчас к Деларею. Надеюсь, поверит. Со мной – Оноли с полувзводом. До встречи.

«Одно плохо, – думал Михаил, – самого поганого броневилика у нас нет. Сейчас бы «МТЛБ» – съездил бы лично с монстрами за ручку поздороваться».

Чем острее обстановка, тем строже должна быть дисциплина – эту истину полковник усвоил с дней тяжелейшего отступления пятнадцатого года.

⁹ Монета в 15 рублей (1897 г.).

Шестнадцать офицеров с поручиком Оноли на правом фланге вытянулись в струнку посередине пыльного казарменного двора. Форма не та, конечно, не настоящая корниловская, но сапоги у всех – что надо, не корявая обувь местной работы. При взгляде на башмаки, что боров, что англичан, Михаила охватывало едва скрываемое отвращение.

– Доплакался, господин поручик, – вразяжку сказал Басманов, выслушав рапорт, но не подав команды «вольно». – Никогда не слышал: «Язык кого до Киева доведет, кого до Шлис-сельбурга»? Сильных ощущений не хватало? Хорошего оружия? Теперь будет. Слушать боевой приказ. Взводу принять со склада два «АГС», восемь «ПКМ». Штатное вооружение тоже оставить при себе. Боеприпасов – сколько на два фургона поместится. На все – полчаса. Вольно, разойдись. Поручик Оноли – ко мне!

Коротко объяснил Валерьяну, что от него требуется.

– Марш-броском выдвинуться на этот вот рубеж, – он чиркнул карандашом по карте в планшете поручика. – На пять километров вперед от первых бурских застав. Эти высоты, мне кажется, для засады очень подходят. Дефиле между ними насквозь простреливается, с флангов местность труднопроходимая...

– Для ваших монстров? – удивился поручик. – Как мне известно, они только что по отвесным стенкам бегать не умеют.

– Про стенки не знаю, но километровые полосы акации типа «гледича вооруженная», она же по-здешнему «держидерево», любому живому существу способны доставить массу неприятностей. И чем оно тяжелее и чем быстрее бежит – тем хуже. Доходчиво? В остальном на месте разберешься. Я инициативу не ограничиваю. Чтоб тебе веселее было, звено твоих старых знакомых дам в поддержку...

Басманов вытащил из карманчика португалии командирский свисток, поднес к губам. Рация рацией, а такое примитивное средство связи в известных случаях тоже незаменимо. Например, когда звучит в ультразвуковом диапазоне.

Почти мгновенно у него за спиной возникли трое крепких парней, одетых в камуфляжи буро-зеленой раскраски и светло-шоколадные береты с бело-сине-красными эмалевыми щитками над левой бровью. Что по поводу столь экзотической униформы подумают местные, полковника больше не волновало. Зато свои ни с кем другим не спутают.

Басманов специально попросил Белли придать роботам прежний, с островов памятный облик, и Оноли сразу узнал в лицо своих давних инструкторов. И они его узнали.

– Ну, Михаил Федорович...

– В тот раз они тебя муштровали, теперь ты ими покомандуешь...

Полковник произнес формулу, передающую роботов в полное распоряжение поручика и лиц, входящих в его отряд. По мере убывания чинов и должностей.

Над левым карманом одного из «инструкторов», запомнившегося Валерьяну тем, что именно он заставлял их кидаться между гусеницами летящей прямо на тебя и не собирающейся тормозить «САУ-100», на матерчатой ленточке было написано «Иванов». У двух других, естественно, «Петров» и «Сидоров».

– Опять шутите, господин полковник? – криво усмехнулся поручик.

– Если бы его звали «Паттон Фантон де Вирайон де Монтекукколи» (был в старой гвардии офицер и с такой фамилией, совершенно русский, нормально пьющий человек, Василий Петрович, кстати), вам стало бы легче? Берите, что дают! Тем более, у вас во взводе однофамильцев не имеется. Не перепутаете.

Хоть так Басманов слегка отвел душу, без излишней строгости вновь поставив на место слишком много о себе понимающего поручика.

... Что там сейчас творилось в тылу, Валерьяна не интересовало. Шестнадцать офицеров, он семнадцатый, посланы встретить врага, кем бы он ни был. Саперные лопатки мелькают быст-

рее, чем ложки в солдатских руках у прибывшей с двухдневным опозданием полевой кухни. Видимость с вершины левого ко́пье километров на десять вперед, по флангам чуть меньше: горизонт отроги Капских гор ограничивают, а ближе те самые полосы (очевидно, вдоль русел пересыхающих речек) непроходимой колючей акации.

Оноли, любивший в нормальной обстановке порисоваться умом, внешностью и гвардейскими манерами, сейчас стал тем самым офицером, которому начальство лишних чинов давать не любит, но если что – только на него и полагается. И вел он себя гораздо жестче, чем Басманов в аналогичной ситуации. Тому-то что – он полковник. А тут нужно и штабс-, и настоящим капитанам приказывать, да так, чтобы и мысли посторонней не возникло. Каховку многие подзабыли, а уж в «Москве-2005» тем более едва один из трех побывал!

И быстро приходится думать и решать – куда там гроссмейстеру на блицтурнире. Того в любом случае не застрелят.

К двум «АГС – Пламя» назначить четырех человек. Поставят гранатометы на позицию между зубьями торчащих из земли камней: с двух направлений перекроют подходы к лощине и ее саму почти на всем протяжении. Придется – обеспечат фланговый маневр.

К пулеметам – еще восемь. Жаль, но придется им и за первых, и за вторых номеров работать.

Два снайпера с «СВД» – для них общими силами отрыли по несколько стрелковых ячеек, соединенных мелкими ходами сообщения.

Что остается? Он сам, при нем радист-порученец для связи со штабом и на любой другой случай. И толкового поручика с морским биноклем и взводной радиостанцией посадил на самом верху сопки, в хорошо укрытом от огня любого вида и почти недоступном для вражеской пехоты месте.

Его задача – ни на что не отвлекаясь, наблюдать за местностью и реальным рисунком боя. И докладывать, если командир в горячке что-то важное прозевает. Личная, между прочим, тактическая находка Валерьяна, мало кто из командиров куда более высоких звеньев до такого додумывался.

Двух роботов, вооруженных, кроме автоматов, помповыми дробовиками десятого калибра, заплечными мешками с гранатами типа «Ф-1», которые они могли прицельно (как классный городошник биту) бросать на сотню и более метров, Оноли послал на фланги, в засаду. На случай внезапного обходного маневра неприятеля.

Убедившись, что все нужное сделано или делается, поручик сел на землю, привалился спиной к теплomu валуну, закурил.

По тому, как долго разминал папиросу, сообразил, что, несмотря ни на что, волнуется.

Да и как не волноваться?

С таким взводом, так вооруженным и на такой позиции, полк красных он бы спокойно встретил. Бывало куда хуже – в голой степи, с одними трехлинейками и по четыре обоймы на ствол. Однако выжили и победили.

Так там против них были «краснопузые и сиволапые», стрелять не умеющие и штыкового удара смертельно боящиеся, а сейчас на подходе монстры, непонятные, бесчисленные и чудовищные. Коров живьем жрут – это ж только вообразить!

Папироса курилась хорошо, дым ее был крепок и ароматен. И тут везет. Бывало, перед боем радовался даже махорочной, пополам с мусором из карманов, самокрутке.

Оноли приподнял длинные ресницы. Посмотрел на папиросу. На две затяжки точно хватит. А жизни – на сколько? У кого бы спросить?

В трех шагах, подобно мраморной фигуре из Летнего сада, застыл третий робот, ждущий приказа.

– Что ж, брат Иванов, – прочел Валерьян фамилию на куртке, – а тебе – в разведку. На полной скорости вперед, не забывая маскироваться. До соприкосновения с противником. Обнаружить, посчитать, вернуться, доложить. В скоротечный бой при необходимости вступать разрешаю. Но главная цель – доставить точные разведданные. Знаешь, с кем дело иметь придется?

– Так точно, господин поручик. Нам нужную информацию господин капитан второго ранга Белли на крейсере вложил. Справимся...

– Приятно слышать, – Оноли снял стетсоновскую шляпу, вытер лоб. Здесь солнце пригревало уже по-летнему. Январь начинается.

– Пленных брать не нужно, все равно они по-нашему ни бельмеса. Оружие принеси, если получится. Ну, с богом...

Оноли слышал, что митральезы в чужих руках не стреляют. Но ведь, как известно, на любую хитрость всегда есть кое-что с винтом. Вот и ему подумалось...

Глава 4

С прибытием бригады Басманов почувствовал себя гораздо увереннее. Теперь при любом развитии событий, за исключением варианта с нанесением противником ядерного удара, он рассчитывал твердо удерживать инициативу.

Немало изобретательности потребовалось ему, чтобы объяснить ситуацию собранным на совещание и инструктаж бурским командирам. Не скатываясь в мистику, но и не прибегая к терминологии, несовместимой с менталитетом плохо образованных и исповедующих ценности позапрошлого, то есть семнадцатого века, людей.

Пришлось наскоро сконструировать легенду в духе «Затерянного мира», благо центральные районы Африки до сих пор были исследованы немногим лучше, чем марсианские каналы. Живет, мол, где-то за рекой Замбези и пустыней Калахари, в местах, где не ступала нога европейца, странный народ, ведущий свое происхождение непосредственно от обезьян-горилл. Достиг какого-то уровня цивилизации, стало ему тесно в своих горах и джунглях, и двинулся он на поиски новых земель, рабов и продовольствия. Кто-то поверил, кто-то нет, но это не имело никакого значения.

Выжившие при встрече с монстрами буры никуда не делись, они бродили по городу и всем желающим пересказывали свою историю, с каждым часом разукрашивая ее все более живописными и леденящими кровь подробностями. На легенду Басманова работали и местные зулусы, кафры, бечуаны, готтентоты и бушмены. У каждого народа имелись свои сказки и мифы о всевозможной нечистой силе, колдунах, зомби и прочих врагах рода человеческого, которые без труда можно было интерпретировать в нужном направлении. Кроме того, многие туземцы имели более-менее достоверные сведения о реально существующих дагонах и об их недоступных обычному человеку землях, где происходят ужасные чудеса.

– Неужели вы действительно верите в эти басни? – спросил Басманова один из молодых, имеющих рациональное европейское образование бурских полководцев.

– С удовольствием бы не верил, – ответил полковник, – если бы мои друзья не видели эти существа своими глазами. И очень недавно.

– Где же эти друзья?

– По неотложным делам им перед самым началом войны пришлось уехать. Думаю, в скором времени в одном из научных изданий будут опубликованы материалы их исследований, с фотографиями.

– Сомнительно все это, очень сомнительно. Наш народ живет в этих краях больше двух веков, и ни о чем подобном никто никогда не слышал... Почему не предположить, что эти Клотц и Де Веттер – английские шпионы, посланные посеять панику и обратить наше внимание совсем в другую сторону?

Остальные участники совещания согласно закивали, поддерживая товарища одобрительными возгласами. Но не все. Пятидесятилетний начальник коммандо из Оранжевой, с бородой до пояса и тремя патронташами поверх выгоревшего до рыжины черного сюртука, пристукнул по полу каблуком грубого сапога.

– Де Веттера я знаю. И погибшего Бюргера тоже знал. Они не шпионы. Они двадцать лет занимаются своим ремеслом, никто не может сказать о них плохого слова. И если Де Веттер говорит, значит, что-то такое там было.

– Львы, – сказал кто-то. – Обычные львы напали на стадо, а трек-буры накануне выпили столько водки, что не смогли защитить ни себя, ни скот. А теперь придумали эти сказки.

Но позиция Басманова была выигрышной в любом случае. Мало того, что он знал правду, так еще и умел разговаривать с публикой такого уровня развития. Были у него в батарее, уже к концу Мировой войны, сорокалетние ратники второго разряда, из глухих сибирских сел.

Староверы и «нивочтоневеры». Ничего, справлялся и с ними невзирая на свой сравнительно юный возраст и столичное воспитание.

Михаил не стал кому-то что-то доказывать, приводя *рациональные* доводы. Усмехаясь своей русской улыбочкой, которая могла означать что угодно (так можно усмехаться и посылая на расстрел, и самому становясь к стенке), он щелкнул зажигалкой, глубоко затянулся.

– Времени на диспуты, хоть научные, хоть религиозные, у меня нет. Война продолжается. Рассматриваемый вопрос дискуссионно не решается. Простейшее решение – любой из присутствующих вместе со мной поедет и посмотрит на месте. Монстры или не монстры, съеденное стадо мы в любом случае увидим. Ничего не найдем – проблема снимается автоматически. Со своими земляками поступите, как у вас принято. Найдем – другой разговор. В любом случае натурный эксперимент займет намного меньше времени, чем теологические и стратегические споры. Согласны? Кто поедет – вы, вы, или вы? – обращался он к самым недоверчивым (или – лично к нему враждебно настроенным. Таких хватало).

– Зачем именно нам? – спросил генерал Деларей, исполнявший должность начальника гарнизона Блумфонтейна. – Пошлем обычный разезд...

– Ничего не докажет при господствующем настроении. Вы и им с тем же успехом не поедите. Тем более, разезд может не вернуться. Мы, ничего не узнав, потеряем еще несколько часов драгоценного времени.

– Я с вами согласен, полковник, – сказал, вставая, генерал Христиан Девет, мужчина лет сорока, с умным лицом и густыми, скобкой, усами, опускающимися ниже бритого подбородка.

Отважный человек, продолжавший вооруженную борьбу в хорошем агрессивном стиле даже после того, как президент Крюгер и многие военачальники в конце девятисотого года сочли войну проигранной. Совершивший с армией в две тысячи человек несколько успешных рейдов в глубь Капской колонии. И потом, уже после образования Южно-Африканского Союза, несколько раз устраивавший мятежи против правительства, требуя восстановления независимости бурских республик.

«Чистый Корнилов, – подумал Басманов, – такой же непреклонный и неожиданный в решениях».

– Хорошо, господин генерал. Я возьму с собой взвод, вы – сколько хотите. Что такое пятнадцатимильная прогулка? Ничего не найдем – так хоть поужинаем на свежем воздухе.

Взвод Михаила насчитывал десять офицеров, кадровых кавалеристов. «Ездящую пехоту» он с училищных времен не уважал. Всегда помнил слова из приказа шефа конной гвардии, великого князя Николая Николаевича: «Пехотному офицеру, едущему верхом, приближаясь к расположению кавалерийской части, следует сойти и вести коня в поводу, дабы своей посадкой не вызывать унижительного для чести мундира смеха нижних чинов».

Знал, что в случае встречи с монстрами нужны будут люди, не озабоченные прежде всего необходимостью не свалиться с седла, забывая о главном смысле своего существования.

На троих роботов он в этом смысле тоже полагался, они умеют все, что требует служба, и многое сверх того. С лейтенантом Карцевым и бригадой Ненадо андроидов оставалось девять. Хватит, чтобы при любом повороте событий удержать Блумфонтейн, даже если буры побегут.

Девета сопровождали тридцать бойцов из его личного командо. Наверное, к рассказам очевидцев они отнеслись внимательно. Никто не имел при себе «маузеров», «ли-метфордов» и «энфильдов», только однозарядные нарезные ружья самых крупных калибров, вплоть до шестилинейных капсюльных, стреляющих крупными, как орех, свинцовыми безоболочечными пулями.

Перед отъездом, от которого капитан Ненадо его изо всех сил отговаривал, Басманов велел Игнату Борисовичу всех пленных англичан, взятых при нападении на поезд и сдавшихся раньше, собрать в одном помещении, неподконтрольном бурам.

– Приведи их в порядок, позанимайся боевой подготовкой. Я с ними в поезде уже парой слов перекинулся. Намек на взаимопонимание есть. Начнутся бои на внешнем периметре, немедленно вооружи и включи в свою систему обороны. Контакт с бурами не допускай. Мне нужно, чтобы большинство из них выжили и своими глазами нового врага увидели.

– Да все понятно, Михаил Федорович. Только вы уж там под пули не лезьте. Я за две войны двенадцать командиров пережил. Тоже храбрее всех казаться хотели.

– Вечная память. А неужели не было, что не из голого азарта на смерть шли, а по крайней необходимости?

– Редко, господин полковник. Вот когда в Москве мы воевали, там близнецы-полковники в самую заваруху кидались, такую, что и мне страшно делалось, но всегда по делу, ничего не скажу...

«Надо же, – подумал Басманов, – какая чертова круговерть творилась, а этот своим фельдфебельским глазом приметил, что два Ляхова там было, а не один».¹⁰

– Не бойся за меня, Игнат, я ведь не только старый кадровый офицер, я еще и рейнджер Царьградского призыва. Забыл, как мы с тобой после десятиверстного марш-броска штурмполосу проходили?

– Ничего я не забыл. Нам сюда сейчас тех «CAV-100» батальон – не о чем беспокоиться было бы.

– Ладно-ладно, Игнат, не усугубляй, – похлопал Басманов капитана по плечу. – Не каждая пуля в лоб, – сказал эту присказку адмирала Нахимова, и тут же поморщился. Нахимова как раз и убило именно в лоб. Нагадал...

Через позицию Оноли кавалькада Басманова и Девета проследовала спокойно. Михаил заранее сообщил поручику о своем рейде, и тот замаскировал взвод так, что даже глазастые буры ничего необычного не заметили. А если бы заметили, Валерьян получил бы хорошую взбучку.

Он спросил у штаб-ротмистра бывшего Сумского гусарского полка Барабашова, ехавшего с ним стремя в стремя, видит ли он что-нибудь.

– Как же, Михаил Федорович. Из одного котелка кашу хлебали. Так бы не заметил, а если смотреть с нашей точки зрения, как бы я на месте Валерьяна распорядился – все как на ладони. Подтверждение требуется?

Однажды уже практически умерший¹¹ ротмистр был именно по-гусарски весел и беспечен, и при этом умен.

Почти не меняя позы в седле, он назвал Басманову все опорные пункты, где могли находиться (и действительно находились) рейнджеры Оноли.

– Место, господин полковник, выбрано просто замечательно. Я бы тоже здесь держался против черта, против дьявола, пока патронов хватит. Только вот, знаете, насчет отхода, если придется, не до конца продумано. Вот здесь я бы поставил в три линии минное заграждение типа «лягушка». Помните, нам показывали? Против двадцатипудовых, причем безмозглых монстров – в самый раз.

Басманов, разумеется, помнил. Хорошие мины. Срабатывают как часы, выстреливая на двухметровую высоту килограммовый стакан из термита, наполненный сотней убойных элементов, разбрасываемых в радиусе двухсот метров разрывным зарядом. Да и сами термитные осколки способны и автомашину, и бронетранспортер зажечь, а уж что бывает при попадании в живой организм – говорить не хочется.

¹⁰ См. роман «Хлопок одной ладонью».

¹¹ См. роман «Бульдоги под ковром».

Только, к сожалению, в их арсенале таких мин не было. К оборонительной войне они не готовились. Ну что ж, всего не предусмотреть.

Немного приотстав от колонны, полковник свистком вызвал к себе Оноли.

- Выражаю, поручик, очередное благоволение. Нормально расположился. Что слышно?
- Пока ничего. Разведчик еще не вернулся.
- Давно ушел?
- Скоро час.
- И стрельбы не слышно было?
- Нет, Михаил Федорович. Да он, если что, больше руками и ножом поработает. Стрелять – в крайнем случае.
- Ну мы поехали. Если что – на тебя отходить будем. Я сейчас свою разведку тоже вышлю.
- Да зачем оно вам, господин полковник? Оставайтесь здесь, вместе ждать будем. Чего зря суетиться, подковы бить?
- Я не для себя. Мне нужно, чтобы буры *прочувствовали*...
- Тогда бог в помощь.

Два робота, шпорами горяча коней, унеслись вперед хорошим галопом, напомнив Басманову своей статью и манерой посадки кадровых кавалергардов четырнадцатого года, в развернутом строю атаковавших немцев под Каушеном.

Чуткими локаторами, настроенными на поиск и распознавание *своих*, разведчики через три километра засекли «Иванова», бежавшего в хорошем темпе распадком между поросших бурым кустарником холмиков полуверстой западнее. Выехали ему наперерез.

Следуя программе и исполняемой роли (в данном случае – волонтеров в небольших офицерских чинах), роботы общались между собой на русском языке, причем – в нужной стилистике. Единственное, что они позволяли себе в отсутствие поблизости настоящих людей, так это намного ускоренный темп речи.

- Что-то видел?
- Все, что приказано. Существа типа «монстр» в количестве до пятисот особей. Существ других разновидностей не обнаружил. Механических средств, воздушных и сухопутных, при них нет. Доступные диапазоны эфира чистые.
- Чем занимаются?
- Закончили привал, готовятся к началу движения. Свидетели доложили верно. Они сожрали половину стада. Вторую половину оставили в живых. Двенадцать существ собираются гнать скот на северо-запад. Очевидно, там у них тыловая база, где требуется продовольствие.
- Как далеко до передового отряда?
- Передового отряда нет. Идут сплошной ордой. Последнее измерение – девять километров четыреста пятьдесят два метра до головной особи.
- Скорость на марше?
- От десяти до пятнадцати километров в час.
- Возвращайся к командиру, доложи. А мы проедем вперед. Твои сведения не полные. Посмотрим, как они реагируют на наше оружие.

Оба держали поперек седельных лук тяжелые снайперские винтовки «Взломщик», под патрон 12,7 мм, придуманный еще в тридцатые годы для «вечного» и в XXI веке надежно работающего в любом конце света пулемета «ДШК».¹² Подольше служит, чем тот же «калашников», между прочим.

- Мне было разрешено вступать в бой только в крайних обстоятельствах.

¹² Дегтярева—Шпагина крупнокалиберный, обр. 1938 г.

– Тебя никто не упрекает. А мы своим делом займемся. Как макеты на полигоне, отстреляем всеми калибрами на всех дистанциях и под разными углами. И составим карточки-схемы. Это важно. У большинства буров стволы от 7 до 9 миллиметров. Ненадежно.

– Я пойду?

– Иди. По дороге встретишь командира Басманова, скажи, что ему лучше вернуться на позицию командира Оноли. Если мы не сумеем отогнать монстров, в открытом поле у людей меньше шансов, чем на высотах.

«Иванов» убежал, а конники, «Артем» и «Аскольд» (Белли с Карцевым, флотские офицеры, при именовании роботов не затрудняли себя оригинальными изысками. Начали называть их по алфавитному списку кораблей Российского флота), двинулись дальше.

Они действительно имели, кроме «Взломщиков», по «ли-метфорду» и «маузеру», основные винтовки англичан и буров, а также пистолеты «М-96», как написано в рекламе – «лучшее оружие для спортсменов и путешественников».

Хорошо тогда жилось «туристам». Вздумал постраниковать по миру – не нужно идти в агентство за путевкой и в ОВИР за паспортом, вместо этого – первым делом в оружейный магазин или к товарищу вроде лорда Джона Рокстона, который от щедрот снабдит тебя магазинкой с оптическим прицелом. И езжай хоть со станковым пулеметом через все границы, никто не удивится. Только в самых экзотических странах, вроде Андорры, могут ввозную пошлину попросить. Не заплатишь – и так пропустят, если докажешь необходимость.

Выслушав доклад «Иванова», Басманов подъехал к Девету.

– Через полчаса вы будете иметь возможность увидеть интересующие нас объекты. Мой разведчик советует для встречи отойти на пригодную для обороны позицию. Мы ее только что миновали. Разведчик и я сомневаемся, что ваши люди сохранят присутствие духа при встрече с врагом в чистом поле.

– Лично вы сомневаетесь? – В голосе генерала прозвучали агрессивные нотки.

– Минхер Христиан, я уже десятки раз говорил вам, Деларею, Кронье и самому президенту – мне ваши эмоции безразличны. Хотя бы **вы** в состоянии такое понять? Я не настоятель монастыря и не воспитатель евангелистской школы. Я помогаю людям, чье дело считаю справедливым. Но ни я, ни мои люди не собираемся заставлять **вас** делать то, чего **вы** делать не хотите. Если чудовища, несовместимые с **вашей** картиной мира, перебьют солдат, которых вы ведете, кое-кого сожрут, живыми или мертвыми, пожалуйста, не говорите, что в этом виноват я и мои офицеры, не сумевшие **вас** защитить и спасти. А прежде – убедить.

– Об этом не беспокойтесь. Мы благодарны всем, кто нам помогает, но свои проблемы позвольте **нам** самим и решать.

– Отлично, – в голосе Басманова прозвучало не совсем соответствующее моменту веселье. Что за беда? *Товарищи по оружию* очевидным образом *полезли в бутылку*. Как горцы какие-то, услышавшие *поперек* сказанное слово.

Теперь *«будем посмотреть»*. С чистой совестью.

Он привстал на стременах. Голосом, легко перекрывавшим в былые времена беглый огонь батареи и звуки разрывов вражеских снарядов, скомандовал:

– В-взво-од, ко мне! Стать, спешиться. Коноводы – убрать лошадей. Остальным – залечь. К бою!

– Езжайте, господин генерал, – указал рукой вперед полковник. – Первое для вас прикрытие – мои разведчики. Второй рубеж – здесь. Третий – на *кóпье*, занятых поручиком Оноли. Дальше уже Блумфонтейн. Если вернетесь – поделитесь впечатлениями...

Девет, очевидно, готов был согласиться с Басмановым, если бы его слова не были настолько издевательски-оскорбительны. Тут, конечно, и сам Михаил не проявил некоторой деликатности и терпимости. Буры, даже самые умные и воспитанные из них, находились на

другом уровне развития и в другой психологической нише. А он, тридцатидвухлетний офицер, с совершенно иным воспитанием и жизненным опытом, считал, что мягкости в объяснении задачи и предельной жесткости в требовании ее исполнения достаточно для любого военно-служащего.

Применительно к русскому солдату и офицеру такая позиция была верной, даже – единственно верной. Но здесь – не срабатывало. Не было в самых архетипичных слоях самосознания буров таких автоматически всплывающих максим: «Сам погибай, а товарища выручай», «На миру и смерть красна», «Или грудь в крестах, или голова в кустах», «Не мы первые, не мы последние», «Помирать – так с музыкой» и так далее и тому подобное. «Жизнь – копейка, а судьба – индейка», хотя Козьма Прутков в свое время спросил: «Не совсем понимаю, почему многие называют судьбу индейкою, а не какою-либо другой, более на судьбу похожую птицей?»

– Езжайте, – повторил он, закуривая папиросу. – Один наш мудрец интересно сказал: «Смерть для того поставлена в конце жизни, чтобы удобнее к ней подготовиться». Кое-какое время у вас еще есть.

Девет взглянул на него с откровенным недоумением, хлестнул лошадь плеткой и вынесся вперед, прокричав своим нечто на староголландском. Басманов не разобрал.

– Передохнем, братцы, – сказал он, спрыгивая с седла. – Только не здесь. Вон тот холмик мне больше нравится.

– Видал я дураков, господин полковник, – сплюнул Барабашов. – Точно так генерал Самсонов перед Танненбергом послал меня куда подальше, когда я привез ему сведения, что германская кавдивизия заняла Зенсбург, где только мы и могли соединиться с Ренненкампом...¹³

«Господи, какая древность, – подумал Басманов. – Вернее – наоборот! А я ведь тоже начинал войну неподалеку».

Сам он ощущал себя, как один из мелких князей, во главе дружиныдвигающийся к берегу Калки в 1223 году, знавший от половецких сакмагонов,¹⁴ что навстречу идут два тумена Субэдэй-Багатура. Чем кончилась та история – в книжках написано.

Смелые были князья, отчаянные! Две-три сотни верных воинов при каждом. Все в кольчугах и бронях. Шлемы на брови надвинуты, длинный меч у бедра, копьё упирается в стремя, червлёный щит на левой руке, еще булава или клевец¹⁵ к седлу приторочены. Лук с полусотней стрел в колчане за спиной. Сила!

Сила-то сила, но – против соседнего князька, или набега половецкой орды, хоть и в тысячу сабель. Вот и сейчас – в своем «войске» он уверен, а на самом деле – способно оно сдержать орду, или так и поляжет здесь, пусть и со славой?

– Ты возьми правее, вон на ту высоту, – сказал робот «Артем» «Аскольду». – А я – на эту.

До подхода врага оставалось двадцать минут. По их расчету.

Между холмами расстояние триста метров, правый выдвинут на семьдесят метров вперед по отношению к левому. Такого полигона специально не придумаешь. Сектора обстрела открываются изумительные.

Тем более эти носители флотских имен были абсолютно лишены того, что у людей называется «инстинкт самосохранения». Взамен – другое. Выполнить задание и вернуться, не допустив разрушения казенного организма. Ничего личного, только чувство долга и ответ-

¹³ Имеются в виду приграничные бои в Восточной Пруссии в августе 1914 г.

¹⁴ Сакмагон – следопыт, от слова «сакма» – след в степи (старорусск.).

¹⁵ Клевец – боевой двусторонний топор на длинной рукоятке. С одной стороны рубящее лезвие, с другой – длинное острие для пробивания шлемов и кольчуг.

ственности за вверенное имущество, каковым в данном случае считалось для относительно самостоятельного, взаимозаменяемого псевдомозга человекоподобное тело.

Пока вокруг не было *людей* (своих людей), они могли обходиться без звуковой речи, переговариваться в УКВ-диапазоне.

– Аскольд! Когда появится цель, начинаю я, с полутора километров из «Взломщика», – предложил «Артем». – Ты наблюдаешь за попаданиями и фиксируешь результат. Буду стрелять последовательно – в голову, в корпус, в нижние конечности. Когда расстояние сократится до восьмисот метров, работай ты. Из «маузера». Смотреть буду я. Не удержим до четырехсот – уходим. Согласен?

«Аскольд» возражений не имел. Лабораторная задача, о чем спорить.

И вот орда появилась на близком и плоском горизонте.

Андроиды историю Древнего мира не читали. Им не было, что и с чем сравнивать. Что битва на Каталаунских полях, что Куликовская, что Грюнвальд – безразлично. По вельду на них накатывалось многотысячное войско, состоящее неизвестно из кого. Роботов их принадлежность не волновала. Тех, кого нужно считать своими, они знали. Все прочие – враги, подлежащие уничтожению помимо любых логических обоснований, которыми они тоже не заморачивались.

Но вот то, что «монстров» не пятьсот, а пять тысяч, по крайней мере было понятно навскидку. Причем глубина строя не просматривалась в пыльной мгле и тумане телесных испарений. «Иванов» ошибся. Принял авангард за главные силы.

«Артем», не испытывая нужды в дальномере, точно определил, когда первый ряд бегущих трусцой чудовищ, бурых, под цвет вельда, пересек намеченную линию. Выжал спуск винтовки, не обратив внимания на отдачу, способную слабого человека опрокинуть на спину.

Он не убивал, он экспериментировал.

Исходные данные: – пуля 12,7 мм, вес, скорость – штатные, дистанция – 1500 метров.

Цель первая: точка прицеливания – череп. Попадание – между глаз. Результат – полное разрушение. Объект упал на спину и прекратил произвольные и непроизвольные движения практически мгновенно.

Цель вторая, по видовой принадлежности аналогичная. Точка прицеливания – середина груди. Попадание – в точку прицеливания. Результат – объект упал на спину, около двадцати секунд совершал беспорядочные движения верхними конечностями. Обильное истечение крови из раневого и ротового отверстий.

Цель третья, аналогичная. Точка прицеливания – верхняя треть правой нижней конечности. Точка попадания – двадцать сантиметров выше коленного сустава. Результат – полный отрыв конечности, обильное кровотечение из стволых сосудов, конвульсии, смерть.

Реакция окружающих – нулевая.

– Результат получен, положительный, – передал «Артем» «Аскольду». – Открываю огонь на поражение, прекращая фиксацию результата. Ты – изготвься.

Пока монстры пробежали отмеренные семьсот метров, «Артем» расстрелял почти весь имевшийся боезапас. В последнем магазине осталось три патрона. На всякий случай.

Он уложил штук пятьдесят, из первых рядов. Если известно, что «Взломщик» пробивает метровую кирпичную стену, еще не меньше сотни чудовищ получили смертельные или надолго выводющие из строя ранения прошедшими навывлет пулями. Только определить отсюда это было невозможно.

Неумолимое, безразличное к потерям движение слитной массы ужасных на вид существ могло бы повергнуть в панику кого угодно, только не роботов. Будь соответствующий приказ, они готовы встретить врага и врукопашную, исход которой трудно предсказать.

Но пока у них еще были винтовки. «Аскольд» выстрелил. Пуля в лоб с восьми сотен метров монстра повалила, но без разрушения черепа. При попадании в туловище и ноги эффект оказался незначительным. Только отдельные «объекты» удалось вывести из строя четырьмя-пятью пулями в область сердца. Выяснив это, «Аскольд» забросил «маузер» за спину и прижался щекой к прикладу «Взломщика». Эксперименты закончены, результат негативный. Оружие стандартных калибров для борьбы с противником этого типа малоподходящее.

Теперь нужно просто работать.

Разряжавший одну за одной обоймы «ли-метфорда» «Артем» обратил внимание, что кое-какой результат их огонь возымел. Понесший сокрушительные потери центр строя начал замедлять движение, а фланги, наоборот, выдвигаться вперед. Робот не мог судить, вызвано ли это изменение тактики чьей-то командой или диктовалось примитивным инстинктом. Число погибших особей, источающих некие «феромоны смерти», превысило определенный предел и заставило остальных уклоняться от опасного места.

– Хватит, – передал «Артем» «Аскольду». – Поехали...

– Стой! Приближаются люди. Союзники.

Буры для них действительно были обозначены как «союзники», люди, которым следовало помогать в случае явной опасности, но приказы роботам они отдавать не могли. Только – просьбы, подлежащие исполнению в меру возможности.

Сами же буры, естественно, о нечеловеческой сущности этих бойцов понятия не имели. Проницательностью, достаточной для того, чтобы догадаться о некоторой разнице между теми, кто имел над левым карманом нашивку с буквами неизвестного алфавита, и всеми остальными, никто из них не обладал.

– Назад! Немедленно назад! – закричал по-голландски, выпрыгивая из своего ложемент, «Аскольд», который был к отряду Девета ближе.

Давая ему время на объяснения, «Артем» довел темп огня по загибающемуся в его сторону флангу орды до предельно возможного, дожигая последние патроны.

Он передернул затвор, выбрасывая гильзу. Все! Счетчик в его позитронном (или каком-то еще) мозгу работал четко. Патронов больше нет. Ни в патронташах, ни случайно завалявшихся в карманах, как это бывает у людей.

Три в магазине «Взломщика», тридцать в обоймах для пистолета. Пока что с «маузером» он экспериментировать не собирался. И так знал, сопоставляя и экстраполируя полученную информацию, что в случае чего стрелять нужно будет с близкого расстояния, и только в глаза. А если совсем с близкого – так острым, как золингеновская опасная бритва, ножом по горлу вернее будет.

Девет и его коммандо давно уже слышали шквальный огонь с высот, но продолжали движение вперед. Повернуть назад значило бы потерять лицо в глазах Басманова и его добровольцев. Теперь навстречу им выскочил одетый в пятнистую, странного покроя форму человек, с двумя винтовками на одном плече, пистолетом в деревянной кобуре на другом.

– Разворачивайтесь! Скачите назад! Здесь – смерть!

– Что за ерунда? Какая смерть? – надменно спросил Девет, косясь на своих спутников, которые должны были видеть его храбрость и выдержку.

– Вот какая! – выкрикнул «Артем», преодолевший расстояние от холма до места, где «Аскольд» остановил генерала, со скоростью олимпийского чемпиона. Двести метров за двадцать четыре секунды. С полной выкладкой и по пересеченной местности.

Они с «Аскольдом» все понимали и делали правильно, но по свойственной своей породе инертности творческого мышления как-то не сообразили, что рано или поздно монстры приведут в действие свое огнестрельное оружие. Которое они волокли поперек животов на сложных ременных сбруях.

А вот вышли на дистанцию действительного огня и вжарили! Из всех сотен пулеметов, по шесть стволов каждый.

Загремело, завывало, засвистело вокруг, что и описать трудно. Как если бы простому пехотинцу попасть под огонь нескольких «Шилок», направленных в него лично. И при этом укрыться так, чтобы не сразу убило.

Группу Девета пока что заслоняли холмы, с вершин и откосов которых фонтанами летела пыль и срубленные ветки кустарника.

– Назад! Поворачивайте. Минута вам осталась, не больше! – «Артем» выхватил из рук «Аскольда» «Взломщик», в нем патроны еще были.

– Нет! Я сам хочу видеть, – отмахнулся плеткой генерал.

Попробовал бы он такое с обычным офицером – лежал бы уже на дороге с разбитым лицом, а робот просто убрал голову с пути крученого ремешка.

– Господин – дурак? – спросил «Аскольд» у «Артема». Кое-чему они у хозяев-людей научились. – Пусть едет. Нужно будет, видеозапись мы предъявим.

Девет с его голландским характером никак не тянул на настоящего скандинавского берсерка, но черт его понес вперед. Было такое, конечно, в истории. Командарм Сорокин, например, с одной пашкой, в красном бешмете носился верхом по полю боя под шквальным ружейно-пулеметным огнем летом восемнадцатого года, так он, по словам свидетелей, вторую неделю питался только спиртом и кокаином.¹⁶ Но крышу, наверное, срывает не только от этого.

Пятеро всадников успели опередить своего полководца на десяток метров и тут же покатились в пыль, изрубленные вместе с конями всего лишь восьмимиллиметровыми, но многочисленными пулями.

Монстры в очередной раз сменили тактику. На дорогу между холмами втянулся узкий поток, штуки по три в ряд. И еще два широких растеклись по равнине, с обеих сторон охватывая высоты. Отчетливо обозначилось неминуемое окружение с фатальными последствиями.

Девет тоже вылетел из седла, не раненый, просто конь был убит наповал.

– Назад, назад! – кричал «Аскольд», будто других слов не помнил. Подхватил с земли генерала и побежал. Сбившиеся в кучу всадники начали бестолково разворачиваться в разные стороны. Тут и им досталось! Визг раненых лошадей, крики падающих всадников, суматошные неприцельные выстрелы.

«Артем», отступая спиной, разрядил остаток боезапаса по выдвинувшимся дальше всех стрелкам, и побежал тоже. Делать здесь больше было нечего. О привязанных у подножья холма конях он словно забыл. На самом деле – решил, что они теперь просто ни к чему. Расходное имущество.

Догнал «Аскольда». Поперек его плеча головой вниз повис Девет, пытающийся вырваться. С тем же успехом, что из захвата грейферного крана.

– Не спеши, – сказал «Артем». – Мы не должны показывать посторонним, что бегаем быстрее лошадей.

– Когда люди сильно напуганы, – резонно ответил «Аскольд», – они могут бегать даже быстрее автомобилей. Донесу его до позиции командира, там пусть делают что хотят.

Со стороны они наверняка выглядели интересно. Один с бурским генералом, болтающимся, как тряпично-опилочный манекен для тренировок в штыковом бою, другой с четырьмя тяжелыми винтовками и в сбитом на ухо берете. Стайерская скорость, ровное дыхание, ни капли пота на лбах и щеках.

Вскоре их в дикой скачке обогнали остатки отряда Девета.

Никто не попытался задержаться, чтобы отдать коня своему вождю.

¹⁶ См. А.Н. Толстой, «Восемнадцатый год».

При этом стрельба за спиной прекратилась. Монстры потеряли цель.

«Они открывают огонь только при выходе на дистанцию гарантированного поражения, – отметил в памяти для последующего доклада «Артем». – Четыреста метров. И прицельность их оружия очень плохая. Как у «ППШ» на таком же расстоянии. В одиночном бою дальше двухсот они почти не опасны».

Движение орды почти остановилось, без всякого бинокля робот видел, что она сбивается в кучу, беспорядочно вращающуюся вокруг какого-то центра. Скорее всего, утомленные маршем и боем монстры, возможно, остановились перекусить свежезабитой дичью. Лошадьми, людьми и своими однополчанами. Зачем пропадать тоннам парного, высококалорийного мяса? И на медицинской службе экономия.

Еще через километр роботы остановились перед заставой Басманова.

Девет медленно выпрямился, мотая головой. От притока крови она была тяжелая и одновременно кружилась. «Аскольд» поддержал его под локоть.

– Что-нибудь интересное увидели, Христиан? – ровным голосом спросил полковник. – Ваших людей я задерживать не стал. Где-нибудь остановятся. Если проснется совесть и лошадей не запалят насмерть – сами вернутся. Возьмите, – он протянул полководцу фляжку с водкой и уже прикуренную папиросу.

– Я хочу принести вам мои извинения, – хрипло ответил генерал. – И выразить преклонение перед вашими бойцами. Он протянул руку «Асколду». – Мои братья меня бросили, а вы несли на себе, рискуя жизнью. Теперь вы станете моими братьями...

Повинуясь кивку головы Басманова, робот вытянулся в струнку, пожал руку генерала.

– Да мы что? Одно дело делаем. Своих бросать не приучены, ваше превосходительство. Просто зря вы нас не послушались. Все бы сейчас живы были.

– Да-да, вы совершенно правы... Э-э?

– Подпоручик Аскольд меня зовут.

– Подпоручик Артем, – представился второй.

Девет не видел разницы между русскими именами и фамилиями.

– Я не забуду. И что мы будем делать теперь? – обратился он к Басманову.

– Вы – что хотите. Езжайте в Блумфонтейн и попробуйте рассказать всем остальным, что видели. А я оттянусь к подготовленному рубежу и буду сдерживать нашествие, насколько хватит сил.

– Вы не хотите дать мне никакого поручения? – с удивлением и обидой спросил Девет. Русский полковник продолжал его оскорблять, возможно – неумышленно, но легче от этого не становилось.

А он что, ждал, что Басманов начнет его утешать?

– Вы – офицер? – спросил его Михаил, морщась от попавшего в глаз папиросного дыма. Ни от чего другого.

– В вашем понимании – конечно, нет, – честно ответил Христиан. – Сегодня – генерал, но вы ведь не это имели в виду?

– Какой вы догадливый. Я только хотел сказать – чтобы иметь право называться генералом, нужно сначала ощутить себя офицером. По дороге в город у вас будет время об этом подумать. Если что – по любым вопросам обращайтесь к полковнику Сугорину, а лучше – к капитану Ненадо.

Девет ускакал на любезно предоставленной ему лошади. Что он будет думать по дороге, Басманову представить было трудно. Совсем другой культуры и психологии человек.

Подкрепление Оноли принял с удовольствием. Еще одиннадцать надежных товарищей плюс три робота, в дополнение к трем уже имеющимся, наполнили его оптимизмом. Тем более – в присутствии Басманова ответственность с него снималась.

– Принимайте командование, господин полковник, – широким жестом он обвел позицию. – А я своим делом займусь.

– Займешься, кто бы спорил. Только сначала послушай мнение очевидцев, с его учетом прикинь, может, огневые немного переставить стоит? И давай мне радио с Ненадо.

Капитан ответил сразу, будто ждал у рации. А наверное, так и было. Отзвуки дальней стрельбы он наверняка услышал. Уж хлесткие хлопки «Взломщиков» – точно. При здешней-то тишине.

– Игнат Борисович, у нас тут уже весело, скоро будет еще веселее. Сколько скорострелок можешь взять на передки в ближайшие полчаса?

– Настоящих здесь всего восемь, причем четыре не наши, бурские. Как еще договоримся. Остальное древняя хреновина или новые крупновские шестидюймовки.

– Там скоро генерал Девет подбежать должен, прикажи патрулям его перехватить, он сейчас в слегка расстроенных чувствах. Попроси, чтобы батарею в твое распоряжение передал. Надеюсь – не откажет. А пока хоть наши – рысью ко мне. И все шрапнели, что есть, на двуколки и следом.

Голос Басманова капитана встревожил:

– Так, Михаил Федорович, я сейчас всю бригаду подниму, мигом у вас будем.

– Не торопись, Игнат, не торопись. Я пока – боевое охранение, не более того. Сделай, что сказал, и оставайся на месте. Готовься к сражению главных сил. А то и обойдется.

– Насчет медуз как там? Не возникали?

– Бог миловал, другой сволочи хватает.

Глава 5

Оноли был возбужден и весел, расставляя бойцов на новые, подсказанные «Артемом» и «Аскольдом» позиции. Басманов помнил его такого, еще прапорщика, перед сумасшедшим, ни в какие учебники, к сожалению, не вошедшим, штурмом бесконечного моста через Днепр в Екатеринославе. Одна надежда – Сугорин в своем мемуаре отразит.

Сам же полковник был мрачен. Как накатившиеся с востока и повисшие над головой, брюхатые страшным ливнем сине-черные тучи. Им бы и порадоваться можно, если б враг на колесах наступал. Завяз бы в желтой глине к чертовой матери. Но выходит пока наоборот.

Этим суперобезьянам грязь под ногами – до фонаря. А стрелкам дождь в глаза хлестать будет, мушки не увидишь. Не говорю о цели.

Да и не о том речь, если честно. Отбиться Басманов надеялся. Тридцать *очень* хорошо вооруженных солдат-рейнджеров, с достаточным запасом боеприпаса и пять тысяч бессмысленных монстров в кровавые ошметки порубить могут. А что после этого?

Честный, отважный, недалекий солдат Ненадо спросил про «медуз». Чи есть, чи пока нет? Без всякой моральной подготовки встретился он в Москве с порождением «потустороннего мира». Но ведь не убоился! Ему, полковнику с куда большим опытом и пониманием *сути вещей*, тем более приличествует выдержка.

Басманов закурил новую папиросу. Бог знает, какую по счету. Но он ведь главный здесь строевой командир, ему обо всем думать надо, и о тактике, и о стратегии с геополитикой, раз *старшие братья* дали возможность *проявить себя*.

Ох, как он, молодой подпоручик, клял и Самсонова, и Ренненкампа, двух командармов, бездарно и трагически проигрывавших приграничное сражение в Восточной Пруссии, при ином развитии событий сулившее блистательную победу. Все было понятно и ему, и сотням других офицеров вплоть до командиров полков. И чем кончилось?

Ладно, мы себя проявим. Если вся та орда, которую он разглядел в бинокль, до смерти напугавшая «отважных буров», сдержанная точным огнем всего двух снайперов, подойдет к незримо начерченному рубежу, то что?

Она безусловно будет уничтожена в ноль. Тут и Оноли спрашивать не стоит.

Одна беда – закономерно встанет вопрос – дальше что?

Послали дуггуры пять тысяч безмозглой пехоты на захват территорий, которые они могли без боя занять и тысячу, и десять тысяч лет назад. Зачем? Сегодня – зачем?

Опять через Берестина выйти на радиосвязь с Шульгиным и спросить? Или прямо с Алексеем сомнениями поделиться?

И что услышать? В такой ситуации ответов только два – воюй или беги.

Сбежать, если шальная пуля не достанет, он всегда успеет. Значит, все-таки высший смысл и нынешней ситуации, и жизни вообще – воевать. Ты сам выбрал для себя эту стезю в двенадцать лет, шел по ней и служил ей следующие двадцать, так чего же теперь ударяться в философии? Нужно будет – ему прикажут, что сочтут нужным. Без всяких дипломатических реверансов. После того, как Шульгин и Берестин лично приняли участие в смертельной битве за Каховский плацдарм, как Басманов с Алексеем Берендеевку защищали, обвинить *руководство* хоть в чем Михаил не мог.

– Господин полковник, не желаете ли? – Валерьян подал ему бинокль. А сам при этом похлестывал себя по голенищу ивовым прутиком. Как молодежь любит копировать привычки старших. Даже самые бессмысленные.

– Зачем? Я уже все видел. – Басманову и вправду неинтересно было смотреть на орду, закончившую свои дела и снова начавшую движение. Это даже не муравьи, как он раньше

думал. Это – саранча. Тут нужны огнеметы. Желательно – танковые. Хотя бы на базе «Т-26». Но их нет. Воюй тем, что есть.

– Ты выслушал разведчиков?

– Так точно, господин полковник.

– Вот так и будем работать. Не боишься?

– Михаил Федорович, при всем к вам уважении...

– Не заводись, поручик. Жизнь такая длинная... Не был ты в Новороссийске.

– Агэсы, огонь! – вдруг закричал Оноли, совсем невежливо отодвинув Басманова, заслонившего обзор. Без всякого бинокля Валерьян увидел, что грязно-бурая орда, надвигающаяся из-за невысоких увалов, пересекла намеченный им для завязки боя рубеж.

Басманову вспомнилась многометровая картина в Третьяковке про Куликовскую битву. И кое-какие книжки на ту же тему. Только у князя Дмитрия, позже Донским названного, автоматических гранатометов не было. Чуток не сложилось по времени.

Валерьян, правильно поняв сведения, полученные от роботов, первую серию гранат «АГС» положил в глубь строя, торопясь нанести монстрам катастрофические потери до того, как они выйдут на дистанцию огня своих митральез.

Кто этого не видел в натуре и по службе, видеть и не стоит. Если не солдат по духу, станешь пацифистом. Только одна беда – пацифист страшнее честного солдата. Часто – подлее. То есть, не желая сражаться сам, обычно ничего *действенного* не предпринимает, если за него посылают на смерть других.

Падающие в шахматном порядке со смещением по фронту и в глубину гранаты наносили монстрам страшный урон. Один разрыв кромсал в клочья как минимум четверых, осколки доставали и больше. «Пламя» все-таки предназначалось для стрельбы по достаточно рассеянному строю современной пехоты, лишь изредка, в случае особой удачи, накрывая групповые цели. Здесь же получилась гигантская мясорубка.

Расчеты выпустили по два полных барабана и по команде прекратили огонь. Гранаты следовало беречь, не так много их оставалось, а когда еще новые подвезут?

Предположение оказалось верным – когда количество трупов на определенной площади достигает некоей критической массы, монстры начинают перемещаться в стороны и назад. Но поскольку до находящихся за пределами действия «феромона» особей информация доходит с запозданием, а командовать *нормально* некому, неминуемо возникает сумятица и давка.

Пришла очередь пулеметов. Десять «ПКМ» ударили по левому и правому флангам, в самую гущу тел, бессмысленно кружащихся, сбивающих друг друга с ног и топчущих упавших.

И, главное, Басманов так и не понимал – почему они до сих пор не стреляют? Такая масса пуль, даже совсем неприцельных, прижала бы его бойцов к земле. Может быть, дальше полуверсты зрительные (или какие-то еще, обонятельные, например) анализаторы монстров просто не в состоянии опознать и захватить цель?

Да, не на того врага рассчитана их безмозглая мощь.

А на какого?

Вспоминая Мировую войну, Басманов и Оноли, не сговариваясь, представили одну и ту же картину. Как бы эти монстры выглядели, атакуя *настоящую* позицию, с траншеями полного профиля, прикрытую заграждением из колючей проволоки в шесть колов и занятую полнокровной дивизией?

– Валерьян, – крикнул полковник, перебегая к его окопчику. – Контратаку сейчас устроим. Я сам займусь. А ты держи правый фланг. До подхода подкрепления. Недолго осталось. «Пламя» тебе оставляю, стреляй до последней гранаты.

– А вы с кем и с чем?

– Роботов возьму, и пулеметы. Сейчас позабавимся!

– Стоит ли? Пока и так держимся.

– Когда они выйдут на дистанцию и из пары тысяч стволов в упор ударят – не удержимся. Головы не поднимешь. Я пошел!

Замысел у Басманова был рискованный, но с хорошими шансами.

«Иванов», «Петров», «Сидоров», «Артем», «Аскольд» и «Алмаз», забрав больше половины имеющихся у отряда пулеметов и по четыре коробки с лентами каждый, предводительствуемые Михаилом, длинными прыжками понеслись вниз по западному склону высоты.

Андройды, конечно, умели бегать и вдвое, и вчетверо быстрее человека, но применялись к возможностям командира. Они взяли его «в коробочку», держась так, чтобы и успеть прикрыть от пули снайпера, если такой появится, и поддержать, если вдруг споткнется. Тут с ними никакая, даже самая верная собака не могла сравниться.

Но Басманов и сам пока был в форме. Возраст, спецподготовка, постоянные занятия боевыми искусствами позволяли ему не чувствовать себя нуждающимся в помощи и защите.

– Стоп, залечь, рассредоточиться, – скомандовал он в нужный момент, падая в удобную ложбинку между камнями. – Оружие к бою!

Прислушался к себе. Полный порядок. Даже дыхание почти не сбилось, связки на ноге целы, хотя отчаянный бег вниз по сильно пересеченному склону – забава рискованная, и один раз он едва не провалился в кротовую нору. Плохо бы пришлось, и гомеостата с собой нет, в сейфе оставил на всякий случай.

Михаил стянул через голову «СВД», рядом положил широкий патронташ с десятью магазинами.

«Шульгинские ртутные винтовки сейчас бы здоровогодились, – подумалось мельком. – Да и так справимся».

Весь его расчет строился на том, что дистанция открытия огня у монстров фиксированная. Надо в этом окончательно убедиться. Сейчас от фланга орды их отделяло около пятисот метров. Теперь Басманов мог посчитать глубину строя – до двадцати особей. Непонятно, зачем так много. Если бы они сократили ее до пяти, сумели бы вчетверо удлинить фронт наступления. А разбившись хотя бы на три группы со стометровыми интервалами – еще больше. И тактическая гибкость орды значительно бы возросла.

«А разбейся они на свободно маневрирующие стаи в сотню голов каждая? – задал себе вопрос полковник. – Тут бы нам и конец».

Но, очевидно, в существующем построении был какой-то смысл. Может быть, данный «легион» предназначался для боя с подобным же войском? Аналогичной численности и придерживающимся сходной тактики. Пережиток эпохи холодного оружия или что-то другое? Скорее всего, при более редком строе у них просто теряется управляемость...

Он проинструктировал «Иванова» и послал его вперед. Короткими перебежками вплоть до момента, когда монстры начнут в него стрелять.

Робот нарвался на залп из полусотни стволов точно на четырехсотметровой отметке, словно его отслеживали лазерным дальномером. Он мгновенно залег, ответил длинной пулеметной очередью и откатился назад. С десятков монстров упали, остальные сразу потеряли к точечной цели интерес и продолжили марш в прежнем направлении.

«Иванов» повторял маневр снова и снова, перемещаясь по синусоиде вдоль пограничной линии, стреляя и снова отходя. И все же добился своего. Какая-то часть орды восприняла робота угрозой и целью, начала разворачиваться в его сторону, пытаясь сократить расстояние до требуемого их правилами. Это походило на то, как амеба выбрасывает ложноножку в сторону раздражителя.

По команде Басманова остальные андройды редкой цепью вышли на один с «Ивановым» рубеж, повторяя его действия.

И вот уже не меньше половины орды, изрядно, между прочим, поредевшей, потому что взвод Оноли продолжал, не жалея патронов, «на расплав стволов» бой с правым флан-

гом, медленно, бестолково разворачиваясь на девяносто градусов, покатилося в «оперативную пустоту».

Через километр те, кто уцелеет, упрутся в непроходимые заросли «держидерева». Если не найдется командира, чтобы отдать новый приказ, или не сработает очередной инстинкт, долго им придется ломиться сквозь стену прочных, как железо, колючих стволов.

А если их еще и поджечь?

Но это уже не актуально. Полковник увидел на дороге, ведущей от Блюмфонтейна, полосу пыли, поднимающейся к низким тучам. Дождь так до сих пор и не пролился. И хорошо. Пусть он пойдет часом позже.

– Ребята, за мной. Отходим, – приказал он негромко, но роботы услышали, несмотря на грохот своих пулеметов. Направляющуюся в их сторону часть армии монстров они едва ли уполовинили, расстреляв каждый по две коробки, на сто патронов каждая.

Посланный Ненадо эскадрон и четырехорудийная батарея французских семидесятимиллиметровок (в просторечии – «коса смерти») полным аллюром вылетели к дефиле. Всадники спрыгивали с седел, тут же бросались на помощь артиллеристам. Отцепляли пушки от передков, с прибаутками и матерной руганью выкатывали на огневые, развернув стволами вперед.

Тут же и Оноли появился, как черт из табакерки, вполне освоивший умение быть одновременно везде, где требуется его присутствие.

Ухватил штабс-капитана, командира батареи за рукав, начал было объяснять ему, с кем придется иметь дело.

– Да в курсе! Ненадо изложил более чем подробно. И буров мы по дороге встретили. Не знаю, запасных штанов в гарнизоне на всех хватит или нет. Цель где?

– Поднимись повыше – увидишь!

Комбатр взбежал до половины копы, вскинул к глазам бинокль. И тут же принялся командовать, отнюдь не испытывая посторонних эмоций.

– Ба-атарея! По пехоте противника! Угломер двадцать! Целик ноль! Шрапнелью. Трубка десять. Поорудийно – четыре снаряда беглых! Пли!

Пушки, едва успев упереть лафеты в землю, загрохотали наперебой. Перед низко опущенными стволами взвились в воздух поднятые дульными факелами столбы смешанной с мелкой щебенкой пыли.

– Есть, есть, – штабс-капитан видел в цейсовские стекла, как одна за одной лопаются над ордой шрапнели. На минимальном возвышении, разбрасывая сотни свинцовых пуль.

В историю артиллерии навеки записан случай, когда одной-единственной шрапнельной очередью русской трехдюймовой батареи был полностью уничтожен австрийский кавалерийский полк, колонной по четыре выдвигавшийся к передовой. Волею случая он целиком оказался внутри эллипса накрытия. Такая же великая флуктуация вероятности, как единственный в истории случай попадания в немецкий пикировщик «Ю-87» из советского 82-миллиметрового миномета.

Но и сейчас первая, по сути – пристрелочная серия легла очень хорошо. Басманов, приостановившийся, услышав родные с молодости звуки, тоже вскинул к глазам бинокль, увидел и оценил мастерство коллеги.

– Еще, на тех же установках! – машинально выкрикнул он, хотя комбатр и без подсказки делал все, что требовали профессия и обстановка.

Пушкари работали азартно и спорно. Батарея успела выпустить тридцать снарядов, убивших никак не меньше тысячи гоминоидов. И опять случилось странное. Орда остановилась, будто в раздумье, дождалась еще четырех дымно-оранжевых вспышек над головами. Только тогда каждый еще живой монстр развернулся, будто по команде «кругом», и все дружно, со скоростью, превышающей походную, ринулись назад.

Участвуй в немыслимом побоище профессиональный энтомолог, тот бы сообразил, что сработал очередной инстинкт. Процент безвозвратных потерь превысил допустимый для выживания именно этого сообщества. Или, если проще – интенсивность связанных со смертью запахов и некробиотического излучения подавила все прочие, управляющие агрессией команды и эмоции.

Но имеющие совсем другое образование офицеры решили, что вмешался некто из вышестоящего, имеющего зачатки разума начальства.

Пулеметы и винтовки уже не доставали до растворяющегося в дождевой мгле у горизонта, сливающегося с цветом вельда стада разгромленных, но не деморализованных монстров. Только пушки продолжали выбрасывать очереди шрапнелей, все выше задирая стволы. Еще немного, и до передков заряжающие доберутся.¹⁷

– Ну все, точка, господа офицеры! – скомандовал Басманов. – На батарее – отбой. Гильзы собрать, стволы пробанить, к маршу изготавиться. Командиры отделений, доложить о потерях и расходе боеприпасов!

Нашел глазами подходящий камень. Присел.

Отдернул обшлаг кителя, посмотрел на разбитое поперек и покрытое звездчатыми трещинами стекло часов. С момента всей этой заварухи прошло ровно двадцать шесть минут. От и до. А казалось – несколько часов. Да нет, все правильно. Всегда так случалось. Без всякой хронофизики. То час – сутки, то минута – час. А если выживешь, потом, на досуге, прикидывай, что и как.

– Валерьян. А вот теперь – водки. Всем. По две чарки. Не больше. Остальное – дома.

Потери оказались на удивление небольшими. Не считая убитых буров, погиб один русский офицер и четверо были ранены.

– Да и это странно, – сказал Оноли. – Мы ведь ни разу не подпустили их на дистанцию прямого выстрела.

– Всяко бывает. Какой-то монстр, падая, пальнул с возвышением, вот и долетело. Баллистику объяснять надо?

– Чего тут объяснять. Но какая нелепость, а?! – От расстройства поручик выругался совсем неостроумно. – Мы же с Борькой Лагутиным с Екатеринослава, с девятнадцатого года всегда выкручивались! А тут шальная – и нету!

– Сочувствую. На войне все нелепость. Считая ее саму. Пошли людей, пусть выберут пару чудищ поцелее, привяжут к лафету. Отдадим медикам.

– А что с остальными?

– Природа распорядится. После заката сюда соберутся львы, шакалы и гиены с половины Африки. Утром будет чисто. Поехали. Дождь начинается.

Покрытые пылью и пороховой копотью бойцы выглядели, тем не менее, браво. И не такое видеть приходилось. Конные подтягивали подпруги, прочие делили места на двуколках и лафетах пушек. На полившуюся с неба воду никто не обращал внимания.

Ротмистр Барабашов подошел сзади, тронул Басманова за плечо.

– Что такое?

– Да неправильно выходит, командир. Враг отступает, бежит, можно сказать. А мы что?

– Что?

– Раньше меня учили, что в подобных случаях следует переходить в преследование. Интересно же, откуда они взялись, куда сейчас бегут, куда коров погнали. Нет?

А ведь прав чертяка, прав. Рискованно, нет слов, так ведь и результат может быть...

¹⁷ *Передок* – в конной артиллерии одноосный прицеп, к которому при транспортировке крепится хвостовой крюк пушечного лафета (хобота). На сидении «передка» размещаются ездовые, в ящике – неприкосновенный запас снарядов (картечь), предназначенных для самообороны орудий. В критических случаях подается команда: «Вскрыть передки».

– Как себе это представляешь?

– И представлять нечего. Я, еще двое моих корнетов и парочка этих, человекообразных, – сделал ротмистр пальцами замысловатый жест, имея в виду андроидов. – Мы нарываться не будем. Последим издалека, где у них лагерь, что да как. К утру, глядишь, вернемся. Или к завтрашнему вечеру, по обстановке. Кто-нибудь уж наверняка...

Полковник подумал совсем недолго. В пределах двух папиросных затяжек.

– Да и поезжай. Чего уж. Не зря ведь стреляли. Посмотри, только правда не нарывайся. «Аскольда» с «Артемом» вперед пошли, хоть на полверсты...

– Ох и люблю я это дело! – Барабашов подвынул из ножен шашку, которую хранил при себе все минувшие восемь лет, только редко надевал, разве что к старой парадной форме, как по Уставу положено. А сегодня взял в рейд, как талисман, наверное. – Бывали дни веселые, гулял я, молодец, – довольно мелодично воспроизвел он фразу народной песни.

Воронцова вестовой разбудил в начале шестого утра.

– К радиостанции вас.

Так для простоты работы называли любое средство связи, хотя к радио нынешняя схема имела самое отдаленное отношение. Левашов через специальный «переходник» дистанционно подключил блок-универсал Ирины к приемнику «Валгаллы», и сигнал от такого же блока Сильвии преобразовывался в нормальные звуковые частоты, транслируемые через динамик. Получилось нечто вроде сотовой телефонной связи будущего. Но – межвременной.

Эта хитрая уловка была устроена не для дуггуров, им технический уровень не позволял перехватывать каналы СПВ, а исключительно для Арчибальда, или Замка в целом. Антон гарантировал, что они не умели фиксировать излучения агтрианских приборов – ни «портсигаров», ни «шаров». Наложенную на мозг человека матрицу засекали и заранее записанные характеристики психоизлучения конкретных личностей – тоже. А вот используемые агграми методики амплитудного и частотного модулирования определенных слоев мирового эфира были недоступны. И наоборот, естественно. В противном случае противостояние между цивилизациями закончилось бы, едва начавшись.

Скорее всего, это было очередным ограничением, введенным в Игру Держателями. Для придания ей должной спортивности.

«У аппарата» с той стороны оказался Берестин. Слышимость была очень хорошая.

Алексей сообщил, что предположение Шульгина оказалось совершенно верным, и дуггуры действительно предприняли массированное вторжение в почти точно угаданном районе.

– Но наш Миша оказался начеку и на высоте положения. Практически без потерь в прах разгромил агрессора. Ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем уничтожил тысячи три монстров, а то и больше. Бежать смогли около тысячи, и все они рассредоточились по пещерам, именно там, где с ними имели дело ребята... Барабашов с конным разездом их до места довел и благополучно вернулся.

– Крестов не хватит за такую победу награждать, – пошутил Дмитрий.

За двадцать минут, как и положено офицеру, Берестин доложил такому же офицеру, как он сам, полную картину сражения, называя квадраты по одинаковым, лежащим перед ними картам, высоты, опорные рубежи, отсечные позиции, пути коммуникаций, систему построения огня, наличие и расход боеприпасов и все прочее, относящееся к делу.

– Да, действительно славная виктория, – согласился Воронцов. – Только мне совсем непонятно, как Басманову это было позволено... Дуггурскими начальниками, я имею в виду. Бросить на убой такую толпу... Не могу поверить, что имела место необеспеченная и неподготовленная вылазка безмозглых. Мы, конечно, немедленно опять допросим Шатт-Урха...

– Боюсь, ничего дельного он вам не скажет. Во-первых – вылазка действительно могла быть инстинктивной. Пойди к муравейнику, там за поселком в холмах есть много, пошевели прутиком или окурок брось. Увидишь, что начнется.

– Видел, знаю, – ответил Воронцов. – И все же...

– А во-вторых – анализируя «протокол допроса», мы здесь с Сильвией решили, что ваш Урх – тоже пешка. Скорее всего – не подстава. Только ничего он не знает. Как профессор этнографии о делах ГРУ. Вы правильно подчеркнули – ручные пулеметы, да еще и с встроенными электронными предохранителями, продукт совсем другой культуры. Весьма милитаризованной, располагающей технологической базой. Отчего оно так и почему – отдельный вопрос. Думаю, Михаил совершенно прав в своей геополитической идее.

– Какой это?

– Прекратить войну с англичанами, заключить нечто вроде конфедеративного договора и совместно заняться дуггурской проблемой. Основания более чем веские. И мы здесь, в Лондоне, сделаем все, чтобы новое британское правительство начало именно с этого.

– Новое? – удивился Воронцов.

– Ну да. До вас, наверное, газеты доходят с большим запозданием, – сострил Берестин. – Вопрос практически решен. Королева (почти готовая к отходу в мир иной, кстати) согласна поручить формирование кабинета Ллойд-Джорджу... На фоне ряда поражений и угрозы полной потери Капской колонии умеренные и пацифисты набрали хорошие очки. И мы тоже не зря устриц едим.

– Все понятно. Михаилу наша помощь требуется?

– Как я понимаю – пока нет. Если дуггуры затеют *настоящее вторжение*, на пределе своих военно-технических возможностей, я готов перескочить хоть в Кейптаун, хоть в Блумфонтейн. Час-другой я ребят поддержать смогу известным тебе средством, а уж за это время вы управитесь. Главное – чтобы все наготове было. И для шокирующего ответа, и для эвакуации.

На том и договорились.

Дмитрий распорядился привести машины парохода в получасовую готовность к выходу в море и отправился на берег, будить товарищей.

За завтраком уже в салоне «Валгаллы», куда Воронцов собрал всех, кто имел отношение к Африке и «Комитету активной реконструкции реальностей», сообщение о действиях Басманова, подкрепленное хорошо исполненным моделированием на планшете, вызвало понятный интерес.

Возникавшие по ходу вопросы Воронцов в меру собственной информированности комментировал, предлагая в особо трудных случаях обращаться к источнику. То есть к Берестину. Или непосредственно к Басманову.

В принципе все поняли обстановку примерно так же, как и сам Дмитрий. С теми точно вопросами, что он задавал прежде всего самому себе, а не Берестину, в чем-то информированному лучше, а в чем-то – недостаточно, по причине удаленности и от ТВД, и от форта Росс.

Но опять вмешалась в деловую атмосферу Лариса, по своей обычной привычке. Пережитый ею недавний стресс особого значения не имел. Характер есть характер. Плюс к этому – тонкий расчет. Что и позволяло ей почти пять лет сохранять свое особое независимое положение в «Братстве». «Кошка, гуляющая сама по себе». Что там о ней ни думай, но девушка всегда ухитрялась держаться в центре внимания людей с совсем другими биографиями, вкусами и интересами.

Тут, конечно, Наталья и Левашов поначалу сыграли решающую роль. Первая – введя ее в компанию, второй – мгновенно ею увлекшийся. А дальше – само пошло. Одни воспринимали ее характер как данность, других ее выходки беззлобно веселили, кое-кто воспринимал при-

существование такой барышни как специально внесенный в слишком монолитное общество дрожжевой грибок.

Внезапно вскочив из-за стола, она, сверкая глазами, принялась обличать. Неизвестно, да и неважно, кого конкретно.

– Вы!.. Вы бросили ребят там, на войне, на растерзание монстрам, о чем великолепно знали. Сейчас, сбежав в другое время, сидя здесь, в тепле и за бронезащитой, радуетесь! Чему? Что Михаил пока что отбился и выжил? Так завтра не выживет. Кирсанов ему поможет? Чем? Берестин с Сильвией в Лондоне очень хорошо устроились, что им чужие беды?

– Как ты – в Кисловодске, – тихо, но веско сказала Ирина. – Пока те же ребята в Москве воевали. Чем ты им помогла? И перестань, пожалуйста, говорить «вы»! Значит, пока красиво жить – «мы», а если что, так сразу – «вы»?

С Ириной Лариса на равных спорить не умела. Рано или поздно уступала, особенно, если та включала некие обертоны своего голоса. Напекающие на серьезные последствия пока еще «не выходящего за рамки» конфликта.

Лариса чуть осеклась, но чувства в ней кипели.

– Хочешь, прямо туда и сейчас поедem? – мягко спросил Шульгин. – Я для себя массу там интересных возможностей вижу. И тебе занятия найдутся. В поезде ты хорошо стреляла. Ту же винтовку возьмешь. Или партполитработу среди бурских вождей и их жен налаживать возьмешься. Опыт есть...

– То есть? – сбита с позиций, удивилась Лариса.

– Ничего не «то есть», – подключился к воспитанию подруги Новиков. – Имеешь претензии и собственный вариант – действуй, кто когда мешал? Поддержим всеми силами. Но только – по доказанному и выверенному плану. Мы бросили Басманова и сотню лучших в мире по подготовке бойцов? Мне, напротив, кажется, что не бросили, а своим уходом вывели из-под действительно смертельного удара. Будь мы там, очень вероятно, враг применил бы оружие посерьезнее. Плазменное, как по нашей стоянке, или психотронное, как на Валгалле по мне или возле пещер – по тебе. С известным результатом.

Без нашего присутствия враг обошелся традиционными средствами. Басманов не знал о летающих тарелках и о твоих «ангелах». И они о нем по той же причине не знали. Это наших и спасло. И мы пока живем и способны дальше делать свое дело. Ты не согласна – твое право. У тебя есть более прогрессивные идеи? Медленно и спокойно излагай. Вот карта, вот компьютер. Все силы будут направлены на реализацию этой операции, ты это знаешь. Если она верно спланирована...

Андрей, зная характер Ларисы, говорил тихо и крайне сдержанно, вовремя улыбаясь и поощрительно кивая ее ответным позитивным мимическим движениям. А иначе с ней и нельзя. Забот впереди – немерено, а если сейчас кто-нибудь неосторожным словом опять выведет ее из себя, Олег автоматически вмешается, и – пошло-поехало!

– А у меня еще идея, – совершенно медовым голосом поддержал друга Шульгин. – При твоих, Лариса, настроениях и способностях – как бы ты лихо сыграла в паре с Кирсановым!

– Я? С Кирсановым? Как и зачем?

– Об этом и подумаем. Кейптаун. Там будет много интересного. Непременно – беспорядки и народные волнения, когда станет известно о вторжении монстров и мирных переговорах правительства с бурами. Возможно – попытка военного переворота. Или случится новая массированная агрессия дуггуров, с использованием чего-нибудь посерьезнее. Даже просто продолжение наступления буров, если дуггуры не объявятся, и Михаил продолжит операцию... У тебя есть опыт контакта с «ангелами», нашей Гражданской войны и троцкистского переворота. Представь, Павел вводит тебя в операцию в роли личной посланницы королевы Виктории для секретной миссии. Есть над чем подумать...

Лицо Ларисы выказало недоумение, постепенно переходящее в живой интерес.

– Так-так... А Сильвия?

– Сильвия... Что Сильвия? У нее сейчас свои заботы. Зато она сумеет изготовить тебе такую легенду и подкинуть такие рекомендательные письма... Через неделю губернаторша будет перед тобой на цирках плясать, чтобы ты при дворе за нее слово замолвила. А губернатор... – Сашка махнул рукой.

Поначалу он сделал Ларисе свое предложение просто так, чтобы сбить ее пыл, и вдруг сообразил, что идея-то и в самом деле богатая, плодотворная. Словно двинул по доске фигуру наугад и только по реакции партнера и зрителей догадался, как у него здорово вышло.

Новиков увидел затвердевшие скулы Левашова и легонько толкнул его локтем под ребра. Сиди, мол, молчи, дурак, тебя в очередной раз спасают, а ты...

Неужто ревновать вздумал? К Кирсанову, а то к Давыдову, Эльснеру, губернатору и его жене? Поздновато вроде бы. В восемьдесят четвертом надо было начинать или вообще жениться на девственнице, а потом держать ее на коротком поводке.

И тут же догадался – больше всего на свете Олег боится, что Лариса скажет, что ее напарником в походе (если вдруг вообще согласится) должен быть именно он. Такого ему не выдержать.

Андрей, изображая полное безразличие к тревожащим окружающих мыслям (это он умел), сказал словно между прочим: «Да не стоит, наверное, новую сложную операцию затевать. Риск, и смысла мало...»

– Нет, отчего мало? – взвилась Лариса. – Только от меня там и будет польза. При нормальном прикрытии. Вам туда нельзя. Здесь дел много, и вообще... Басманова дугтуры не знают. А меня помнят, хо-орошо помнят. Я для них или приманкой стану, или пугалом. И так и так интересно. Я и пойду. В Кирсанове я уверена. Алексей с Сильвией обеспечат, для личного прикрытия дадите мне «Иван Иваныча», мы с ним близко знакомы и отлично друг к другу адаптированы...

Новиков мог бы сказать, что та пятигорско-кисловодская история абсолютно однозначна для любого андроидного тела, в какое воткнут блок нужной памяти. Но, с другой стороны... Отчего не дать ей именно того робота, у которого *родная* память, не пересаженная, и тело то же самое? Возможно, тут очередной *высокий смысл*.

– Давай, Лариса, прогуляйся. Кейптаун – интересный город. А ты в паре с Кирсановым – идеальный вариант. С вашими характерами... Я помню, как ты на КМВ¹⁸ четко работала. Так что вперед. Недельки на подготовку хватит? Если согласна? – стараясь не выбиться из тона, сказал Андрей.

– И двух дней хватит. Голому собраться – только подпоясаться.

– Не торопись. Сначала не ля-ля, а серьезный план продумать, потом с Сильвией обговорить, что она по этому поводу подскажет и как быстро все оформить сможет. С Кирсановым – то же самое. Легенду составить, документы сделать, снаряжение подобрать, *отвечающее*... Мы вон как в свое время аккуратно швейцарские паспорта *сдублировали*, так и все равно, при тамошних свободах Суздалев просёк. – Шульгин, не сговариваясь с Новиковым заранее, четко гнул ту же линию. Похоже, что успешно. Ларису только подтолкни, потом не остановишь. В полном соответствии с законами Ньютона.

В каюте, пока Лариса собирала нужные, по ее мнению, в очередном путешествии вещи, Левашов бродил между цветами и лианами зимнего сада, нервно курил. Как всегда перед разлукой, его терзали противоположные чувства. Страх за подругу, печаль, что снова долго ее не увидит, и одновременно облегчение. Тосковать и нервничать он будет время от времени, а

¹⁸ КМВ – принятое сокращение Кавказских Минеральных Вод. Зона, включающая города Пятигорск, Ессентуки, Железноводск, Кисловодск и находящиеся между ними и вокруг курортные поселки.

свободен, интеллектуально и эмоционально – постоянно. И происходить всякие *нештатные ситуации* будут не на его глазах.

Выручить ее он сможет практически из любого, самого острого положения. Если это не будет, как написано в инструкции к гомеостату, «одновременное полное разрушение организма». Во всяком другом случае он окажется в нужном месте почти мгновенно, если у нее будет работать приводной маячок. Да и предпоследним из резервных гомеостатов они ее снабдят. Не пропадет. Не то здесь время, чтобы подготовленный, охраняемый почти всесильным телохранителем человек попал в безвыходную ситуацию. В прежней, советской жизни ей ежедневно угрожало куда больше опасностей, чем в этой *прогулке*.

– Вот я и готова, – сказала она, появляясь на площадке перед фонтаном. Готова она, по мнению Олега, была отнюдь не к десанту в тыл врага. Совсем к другому. На ней был только полупрозрачный халатик, едва достающий до середины бедер.

– Должны ведь мы попрощаться, – пояснила она, кладя ладонь Левашову на плечо и подставляя приоткрывшиеся губы. – Отдаваться кому-нибудь еще мне в ближайшее время едва ли придется. Пойдем, – потянула его за руку Лариса в сторону своей спальни, оформленной в стиле будуара одной из фавориток Людовика с номером из второй дюжины. Причем со всеми усовершенствованиями конца XX – начала XXI века.

То, чем и как они занимались, в основном и удерживало Олега возле нее все эти бесконечно долгие годы. Как бы ни складывались у них прочие отношения, в постели Лариса неизменно была нежна, безудержно страстна, изобретательна и неутомима. Настолько, что полученного заряда Левашову вполне хватало до следующей встречи, отчего-то всегда неожиданной, компенсирующей разлуку почти любой продолжительности.

Если же им доводилось проводить вместе несколько месяцев (такое тоже случалось, хотя и не очень часто), накал чувств куда-то пропадал, все превращалось в малоинтересную для обоих «обязательную программу».

Часом позже Лариса, лежа на спине и широко раскинув по подушкам руки, говорила Олегу:

– Я все продумала. Звать меня будут миледи Отэм...

Левашов усмехнулся, оценив тонкость аллюзии.¹⁹

– Сильвия сделает нужные бумаги, Кирсанов обеспечит легенду по месту, – продолжила она, предупреждая естественный вопрос. – Будем считать, что я эвакуировалась из Наталя, когда оттуда все бежали, как белые из Крыма. А в Дурбан приплыла накануне из Австралии, Новой Зеландии или Индии, Павел подберет подходящий рейс. Так что, надеюсь, за две-три недели никого из могущих меня разоблачить не встречу. А встречу – мало ли каждый день происходит несчастных случаев, тем более – в прифронтовой полосе.

Сказано это было ровным и безмятежным тоном. Не зря она выбрала именно такой псевдоним. В некоторых восточных странах «осень» ассоциируется не только с временем года, но и с коварством, жестокостью, беспощадностью. А в старом Китае начальников «госбезопасности» называли – «осенний министр».

– «Иван Иванович» будет моим старшим братом, сопровождающим вдовую сестру в путешествиях. Сейчас скажем Воронцову, пусть придаст ему со мной отчетливое портретное сходство...

– Я и сам могу. Только это прямо какой-то Дориан Грей получится.

¹⁹ «Autumn» – осень (*англ.*). Лариса имеет в виду прототип, близкий по характеру, – миледи Винтер (зима), из романа А. Дюма «Три мушкетера».

– Предпочитаю лорда Генри. Позаботься, чтобы он знал наизусть все свои афоризмы и вообще все, что полагается тридцатилетнему аристократу с хорошим образованием. Привычки русского дворянина XXI века там будут не совсем уместны.

– Сделаю. Из Уайльда я тоже кое-что помню. Андрей в школьные годы его целыми кусками наизусть цитировал. Вот, кстати, совершенно в тему: «Наш единственный долг перед историей – переписать ее заново».

– Вот-вот, правильно ты понимаешь. – Лариса повернулась на бок и снова прижалась к Олегу. – И больше не отвлекайся, когда еще придется...

Перед отправлением ее позвала к себе Ирина. Для последнего напутствия. Проговорили они долго. Одной было что сказать отправляющейся на опасное задание подруге, вторая слушала со всем вниманием, вопреки характеру не споря и не перебивая. Понимала – не до гонора сейчас. Любой совет профессионалки многовековых тайных войн следовало принимать как драгоценный подарок.

При ее миссиях в Москву и Кисловодск таких инструктажей Ирина не проводила. Да и смысла не было. В России, что девятьсот двадцать первого, что две тысячи пятого года, Ларисе хватало собственных знаний истории, жизни, национального характера. Тут все будет иначе, пусть Сильвия их тоже учила «аглицким манерам». Но в другом, как выражался один знакомый, «аксепте».

– Знаешь, подружка, ты, главное, свою натуру маскировать не пытайся. Стервозные дамы – они всегда в цене. И внимания на их выходки меньше обращают, и то, чем другие подозрение вызовут, у нас проскочит, еще и с восхищением воспримут.

Лариса заметила, как Ирина деликатно *выровняла* тему. Одним-единственным словом «у нас». Не придерешься. Хотя за Ириной как раз она видимых проявлений стервозности не замечала. Впрочем, какой была подруга *до того*, как они познакомились, ей знать не дано. Иркина «соотечественница» и бывшая начальница Сильвия обладала этой чертой в полной мере, а учились они «в одной школе».

– И вот что, Лар, ты никому не говори о моем подарке. – Ирина протянула ей золотой портсигар, такой точно, как у нее самой, только с другой монограммой на крышке. Здесь были не алмазы, не сапфиры, не изумруды, а ярко-желтые топазы, выложенные узором, очень сложным и неестественным для привыкшего к евклидовой геометрии глаза.

– Что это? Откуда? И мне?

– Что? Стандартный блок-универсал. Откуда – это уж мое дело. Знаешь, есть такое понятие – «неучтенное оружие». На полях сражений его много остается. Подобрала. Сейчас даю тебе. С ним станешь самой могущественной женщиной того времени. Кроме Сильвии, конечно, и любой из той же команды. Но с ними тебе воевать не придется. Смотри сюда и запоминай, что, как и для чего.

Получаса хватило, чтобы Лариса разобралась в основных принципах и способах обращения с прибором. Само собой, многие его функции Ирина предварительно отключила, но и тех, что остались, хватало.

Она могла теперь в любой момент связываться с Ириной и Сильвией, переправиться из Кейптауна в Лондон и в любое другое место, даже на Валгаллу. Вот только что ей там делать за восемьдесят пять лет до устройства форта? На базу агтров ей попадать совсем ни к чему.

В качестве оружия блок тоже годился, но это и так известно. Кроме того, в нем помещалось пятнадцать сигарет формата «кинг сайз».²⁰

– За что это ты – и вдруг мне? – спросила Лариса странно вздрагнувшим голосом.

– А ты от меня что – только нож в спину ждала? – мило удивилась Ирина.

²⁰ Сигареты с фильтром и без, длиной 80 мм.

– Не так чтобы, но сама понимаешь...

– Плохо понимаю. Олег меня терпеть не мог за то, что я у него друга отбила, а я к тебе всегда нормально относилась. Да и ты вроде...

– Вроде! Он до сих пор в тебя влюблен, в чем в чем, в этом я отлично разбираюсь...

– Тебе-то что? Он до меня и рукой не дотронулся, ни о чем прочем не говоря, а ты себя, что при нем, что без него, не слишком сдерживала. Не так? – Ирина посмотрела на Ларису со спокойным интересом.

– А вот то! Ненавижу, если мужик лежит со мной, а воображает под собой другую!

– Ах, это? – Ирина небрежно отмахнулась рукой. – Они все такие. Думаешь, я знаю, кого Андрей представляет? Вдруг тебя? Или мулатку из Никарагуа? Еще на подобную ерунду отвлекаться? Живи, как живется. Олег мне помог в свое время, сейчас я тебе помогаю, чем умею. Тем более, все равно одно дело делаем...

Глава 6

Кирсанов, получив депешу из Лондона о том, что к нему для помощи и оперативной поддержки прибывает специальный агент с особыми полномочиями, а при нем – помощник, удивился не очень. Обстановка осложнялась на глазах, и подготовленный напарник не помешает. Он только осторожно поинтересовался у Берестина, как предполагается делить полномочия. Что агентом будет кто угодно, но ни один из «старших братьев», он не сомневался. Если бы так, все было бы сказано коротко и просто: «Прибывает Шульгин (или Новиков), встретить». И никаких вопросов, и никаких сомнений.

А тут Берестин, коротко хмыкнув в микрофон, ответил: «Ты резидентом был, им и остаешься. Со всеми вытекающими. Приготовь в своем отеле два самых лучших номера, на одном с тобой этаже. Затем, через два часа от сего момента, найди подходящий, надежный и грузоподъемный транспорт и езжай по адресу...»

Павел, давно имея в голове полную карту Кейптауна и окрестностей, слегка удивился. Место было очень глухое, фактически – переулок среди заброшенных складов в полукилометре от порта. Там, наверное, и крысы уже передохли от бессмысленности существования. Люди – тем более.

Но если нужно принять людей, прибывающих по линии СПВ, место довольно удобное.

Можно бы, конечно, переправить гостей прямо в отель, но слишком сложно будет объясняться с портье при их оформлении.

Кирсанов, проезжая мимо кабака Давыдова и Эльснера, не на карете, таковой не нашлось, в большом пятиместном фаэтоне с глухим тентом, весьма полезным при здешних дождях, велел кучеру приостановиться у ворот.

Не выходя из экипажа, громко потребовал у молодого слуги-зазывалы (белого, кстати, – негры не всем гостям нравились), перехватывавшего проходящих по улице потенциальных клиентов, позвать хозяина.

– Чего мистеру угодно? – вежливо, но и слегка нагло спросил тот. – Проходите, пожалуйста, обслужим по первому разряду!

Павел отмахнулся от него серой лайковой перчаткой:

– Хозяина, я сказал!

Через несколько минут с должной мерой достоинства к фаэтону подошел Давыдов.

– Вы меня хотели видеть, сэр? – Вопрос был задан так, что ударение могло быть поставлено на любом слове.

Поблизости никого из посторонних не было, а возницу Кирсанов заведомо не принимал во внимание. Ответил по-русски:

– Я сейчас еду на встречу нового коллеги. Подкрепление нам прислали, – с двусмысленной интонацией сказал Павел Васильевич. – Отвезу к себе. Подойди около десяти вечера.

– Один?

– Если других дел нет – можете и вдвоем. Обменяемся мнениями с новым товарищем. У вас тут как, до паники еще не дошло?

– У нас – нет. Флотские уверены, что уж на своих коробках они от монстров и отбиться, и сбежать сумеют.

– Сумеют, – согласился Кирсанов. – А мандраж присутствует?

– Вот его – навалом. От кочегара до штурмана – все в мандраже. О чертовщине много разговоров. В легенду о цивилизованных дикарях мало кто верит. Зато как доходы пошли – не поверите! Вдесятеро! Пьют, словно завтра конец света! Решили бы здесь насовсем остаться – через месяц ресторан на проспекте Виктории открывать можно.

– Насчет конца света – очень даже может быть, – ответил полковник, натягивая перчатки. – Но этот печальный факт не отменяет всего остального...

В указанном месте, действительно заброшенном и загаженном, выглядящем до крайности уныло, Кирсанов увидел мужчину и женщину, с четырьмя поставленными на брусчатку огромными кожаными баулами. В женщине, несмотря на шляпу, вуаль, длинное, до пят, клетчатое платье, он сразу узнал Ларису. И в сердце тут же кольнуло.

Нет, он не испытывал к ней *мужского* влечения. Скорее, наоборот. Были в «Братстве» другие женщины, от которых у него временами обмирало холодное жандармское сердце.

Но в оперативном смысле она интересовала его, как никто больше. Какая из нее могла бы выйти шикарная *агентесса высшего разбора* году этак в тринадцатом! Хоть к вождям большевиков и эсеров подводи, хоть к Распутину или к его убийцам – как хочешь. Везде бы сработала. А на месте Каплан – какая красота, знатокам лишь понятная! Всадила бы с правильно выбранной позиции, из «маузера», желательно, но можно и из «стечкина» – одну пулю в сердце, контрольную – между глаз вождю мирового пролетариата и легко ушла бы из охваченной то ли шок, то ли радостью толпы «трудящихся» завода бывшего Михельсона.

Мужчина, стоявший рядом с дамой и *профессионально* оглядывающийся по сторонам, выглядел личностью почти никчемной. Как и требовалось.

Красавчик, изумительно похожий на Ларису, несмотря на положенную грубоватость мужских черт в сравнении с теми же, но женскими. Явно – брат. И даже брат-близнец. Нет, не выходит – на вид лет на пять постарше. В дорожных бриджах, тяжелых ботинках с крагами, джемпере, поверх которого надет клетчатый пиджак. Правда, оттопыривающий полу массивный пистолет в кожаной кобуре делал его слегка (именно – слегка) похожим на *серьезного* человека.

Брата у нее не было, Кирсанов это знал точно. Значит – мастерски оформленный андроид. Павел ценил их общие способности и боевые качества, но лично относился с некоторой неприязнью. Не должен механизм столь точно копировать человека. Но в полезности этих *големов* жандарм не сомневался. Как в свое время в нужности *для дела* совершенно омерзительного Азефа,²¹ Евно Фишелевича.

При наличии такого «брата» не нужно будет самому постоянно заботиться о безопасности новой напарницы. А вот напарницы ли? Не надсмотрщицы? Ки вивра вэра.²²

Кирсанов остановил фаэтон четко напротив пары, не выходя кивнул. Пусть парень сам грузит свои чемоданы.

Ого! Рессоры, приняв груз, сильно просели. Возница недовольно обернулся, но ничего не сказал. Красота ли дамы его сдержала или обещанное вознаграждение.

²¹ Азеф – руководитель боевого крыла партии эсеров, террорист, одновременно – агент-provokator царского охранного отделения.

²² Поживем – увидим; будущее покажет (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.